



«Тобелен Проклятых Сердец»

Хроники Сплетённых Душ

— Книга 1 —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ленара Тенис

18+

Ленария Теннис

**Гобелен Проклятых Сердец.
Хроники Сплетённых Душ**

«Автор»

2026

Теннис Л.

Гобелен Проклятых Сердец. Хроники Сплетённых Душ /
Л. Теннис — «Автор», 2026

Любая страсть — это оружие. Любая связь — это либо спасение, либо проклятие. Мир Эфемер помнит Войну Уз. Теперь магия здесь зиждется на Резонансе — заклинатель черпает силу из эмоций и, главное, из связей с другими. Чем острее чувства, тем разрушительнее колдовство. Уза — магический контракт, усиливающий способности, но создающий мучительную зависимость. Её можно навязать силой, превратив человека в марионетку. Лира «Пеплорождённая» — беглая колдунья с проклятием: любое её прикосновение причиняет боль, а сама она не чувствует ни тепла, ни ласки. Когда легендарный охотник на магов Кайан «Железное Сердце» везёт её на казнь, на корабль нападает древний Пожиратель Уз. Выжив в кораблекрушении, они вынуждены заключить временную Узу — и внезапно Кайан оказывается единственным, кто может касаться Лир без боли. Их вражда перерастает в дикую, запретную страсть. Но они не одни. В пророчестве Круга Шести.

© Теннис Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 4. «Тот, кто не выбирает облик»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ленария Теннис

Гобелен Проклятых Сердец.

Хроники Сплетённых Душ

Глава 1. Прикосновение, которого не ждёшь

«Говорят, у смерти вкус пепла. Глупцы. У смерти нет вкуса — как и у меня».

Лира знала каждый звук этого корабля — он стал её миром за две недели пути до Лунной Гавани. Скрип переборок, вязкий, словно жалоба утопленника. Мерный стук сердца — нет, не её, а кандалов, бьющихся о ребристый металл пола в такт качке. Трюм «Серебряной Каравеллы» был пропитан солью, плесенью и страхом. Не её страхом — чужим. Она уже не боялась. Чего бояться пеплу?

Она сидела, прислонившись спиной к сырому дереву, и смотрела на свои руки. Изящные, с длинными пальцами, унизанными золотыми браслетами, — не украшениями, а магическими ограничителями. Кожа была серой, как небо перед грозой, и такой же холодной на вид. Лира поднесла ладонь к лицу и провела по щеке — жест, ставший ритуалом. *Ничего*. Ни тепла, ни шероховатости. Только давление, призрак ощущения.

Проклятие «Пепельной Кожи» отняло у неё мир пять лет назад. Оно укрыло тело саваном нечувствительности ко всему живому. Её касание несло боль любому, кого она любила, а ей не оставляло ничего. Ни ласки ветра, ни мурашек от холода, ни жара поцелуя. Только вечный голод. Голод, который она залила вином, колдовством и безнадёжной погоней за разрывом проклятия.

Раздались шаги.

Не матросские, не осторожные шарканья стражи. Тяжёлая, ритмичная поступь человека, привыкшего, что мир стелется под подошвы его сапог. Лира не подняла взгляда, но сердце предательски ускорило ритм. Она узнала эту походку. Командир Кайан «Железное Сердце», легендарный охотник на магов, её персональный тюремщик, спускался в трюм. В его присутствии воздух становился туже, словно перед ударом молнии.

Люк отворился, впуская столб тусклого света и острый запах озона — так пахла его анти-магия. Сначала появились сапоги из чёрной кожи, потом — широкие плечи, обтянутые воронёной сталью доспеха, и, наконец, лицо. Слишком грубое, чтобы назвать его красивым, но именно эта грубость, высеченная годами войны и потерь, заставляла женщин Лиранской марки вздыхать. Чёткая линия челюсти, тонкий шрам, рассекающий левую бровь, и глаза — цвета закалённого железа, холодные, как могильная плита.

— Пеплорождённая, — произнёс он вместо приветствия. Голос низкий, с хрипотцой, словно перекатываются камни в горном потоке. — Ты всё ещё жива. Разочаровываешь.

— Разочарование — твой привычный спутник, Железное Сердце? — она наконец подняла взгляд. — Или только со мной тебе так не везёт?

Кайан усмехнулся краешком рта, но усмешка вышла ледяной. Он подошёл ближе, и металлические браслеты на его запястьях — символы Ордена Стальных Воронов — тихо звякнули. Лира заметила, как его пальцы машинально сжались в кулаки. Он ненавидел магию. Ненавидел её саму как воплощение этой магии. И всё же приходил. Каждый вечер приходил проверять оковы лично, хотя это была работа надзирателей.

— В Лунной Гавани тебя ждёт Костёр Очищения, — сказал он, опускаясь на корточки перед ней. — Инквизиторы уже готовят зрелище. Говорят, ты будешь гореть три дня, потому что Пустота в тебе будет сопротивляться святому пламени. Красиво.

— Ты пришёл поговорить о моей казни? — она склонила голову набок, и пепельные волосы скользнули по плечу. — Или просто хочешь ещё раз посмотреть на зверюшку в клетке перед тем, как сдать её палачам?

Он промолчал. Вместо ответа его рука метнулась вперёд — резко, как бросок гадюки — и схватила её за подбородок.

Лира замерла.

Она ждала привычной вспышки. Той агонии, что пронзала любого, кто осмеливался коснуться её обнажённой кожи. Её проклятие должно было отозваться жгучей болью, разрывающей нервные окончания, отправить Кайана в конвульсиях на пол. Но ничего не произошло. Только... давление. Только мозолистая грубость его пальцев, сжимающих челюсть. Только *ощущение*.

Она забыла, как это бывает.

Забыла, что прикосновение может быть твёрдым, требовательным. Что чужая кожа может источать жар, прожигающий через пепел. Это было как первый глоток воды после года в пустыне — настолько ошеломляюще, что из её горла вырвался судорожный вздох, почти стон. Зрачки расширились, поглощая радужку.

Кайан заметил это. Его бровь дрогнула.

— Больно? — спросил он с толикой садистского любопытства. Он ждал её страданий.

— Нет, — выдохнула она, прежде чем успела прикусить язык. Честность вырвалась наружу, не спросив разрешения. — Совсем не больно.

Он нахмурился. Антимагия Железного Сердца была редким даром — он подавлял любые заклинания в радиусе касания. Но чтобы нейтрализовать Проклятие Пепла, родовое, выжженное в самой душе? Такого не мог предсказать никто. Его пальцы чуть ослабили хватку, скользнули вдоль линии челюсти, словно изучая текстуру её проклятой кожи. Движение вышло почти интимным. Лира закусила губу, чтобы не податься вперёд, как кошка, ищущая ласки.

— Убери руку, — прошептала она, но голос предал, сорвавшись на мольбу.

— Боишься? — он наклонился ближе, так, что его дыхание коснулось её виска. От него пахло металлом, солью и чем-то терпким — мужским, опасным. — Или... хочешь ещё?

Мир вокруг сузился до этой точки контакта. Пяти лет одиночества, запертых в мраморном саркофаге тела. Пяти лет, когда любое прикосновение несло только боль другим, а ей — пустоту. И вот этот мужчина, её враг, её палач, держит её лицо в своей ладони, и она чувствует, как под его пальцами расцветает жизнь. Пульс забился в горле. В висках зашумела кровь. Пепел на коже, казалось, начал истончаться, осыпаясь невидимыми искрами.

Она должна была возненавидеть его за это. За то, что он украл у неё последний бастион — право на безразличие. Но вместо ненависти внутри разгорался темный, извращенный голод. Ей хотелось, чтобы он сжал сильнее, оставил синяки — любую метку, любой отпечаток, доказывающий, что она всё ещё существует в мире живых.

— Кайан... — его имя сорвалось с губ раньше, чем она осознала. Не «командир», не «Железное Сердце», а просто имя, как у обычного мужчины.

Его глаза потемнели. На скулах заиграли желваки. Впервые в этом взгляде мелькнуло что-то помимо холодного презрения — замешательство, смешанное с опасным, хищным интересом. Он смотрел на неё не как на ведьму, а как на загадку, которую хотелось разгадать, даже если для этого придётся сломать ей все кости.

Он резко отдернул руку, словно обжёгся. Лира едва не заскулила от потери контакта. Мир снова стал серым, звуки — отдалёнными, кожа — онемевшей.

— Проклятая магия, — выплюнул Кайан, поднимаясь. Он вытер пальцы о штаны, будто испачкался. — Твои штучки на меня не действуют, колдунья. Завтра ты будешь в цепях стоять перед Советом, а через три дня — превратишься в горстку того пепла, что носишь в себе.

Он солгал. Они оба это поняли. Никаких «штучек» не было — только голая, беспомощная реакция измученного тела. Кайан почти бежал, поднимаясь по трапу. Его шаги звучали громче обычного, сбивчивей.

Лира осталась в полумраке, прижимая дрожащие пальцы к тому месту на подбородке, где только что была его ладонь. Она ничего не чувствовала — иллюзия ушла вместе с ним. Но память о прикосновении уже вгрызалась в мозг, как заноза, обещая превратиться в навязчивую идею. *Он может касаться меня. Только он. Мой палач — и моё единственное лекарство.*

Она не знала, смеяться или плакать.

Шторм пришёл без предупреждения.

Океан Эфемера редко баловал путников спокойствием, но то, что обрушилось на «Серебряную Каравеллу» через час после заката, не было природным явлением. Лира поняла это по запаху. Сквозь вонь трюмной воды и собственного страха просочился аромат гниющей плоти и озона — такой концентрированный, что закружилась голова. Это была магия Пожирателя. Древняя, хтоническая, голодная.

Корабль содрогнулся, словно получил удар тараном. Балки застонали, где-то наверху раздались крики, полные ужаса, и тут же захлебнулись в чавкающем звуке. *Щупальца. Или когти. Или нечто, чему нет названия.* Лира вскочила на ноги, насколько позволяли кандалы, и вжалась в переборку. Браслеты-ограничители впились в запястья, блокируя ток магии. Она была беспомощна, как новорождённый щенок.

Вода хлынула в трюм с яростью живого существа. Ледяные потоки сбили с ног, ударили о стену. Лира захлебнулась солёной горечью, попыталась нащупать магию внутри — Пустоту, её дар и проклятье, — но золотые оковы жгли каналы, не давая колдовать. Кандалы тянули на дно.

— Дьявол тебя раздери! — прорычал знакомый голос.

Сквозь пелену воды она увидела, как в трюм рухнул Кайан. Не спустился — упал, проломив остатки палубы. Его доспех был залит чёрной, дымящейся слизью, левый рукав разорван, по руке текла кровь. Но глаза горели сталью. В руке он сжимал свой клинок-антимаг — «Песнь Тишины», лезвие которого гасило любые чары одним прикосновением.

Он увидел её, тонущую, скованную, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на панику. Или Лире просто хотелось так думать.

Кайан в три гребка оказался рядом. Его рука вцепилась в цепь её кандалов. От его ладони по металлу побежали искры — антимагия вступила в конфликт с зачарованным сплавом. Раздался звон, и один из браслетов лопнул. Магия Пустоты мгновенно хлынула в освобождённый канал, раздирая внутренности острой болью. Лира закричала — вернее, выпустила поток пузырей.

— Не смей колдовать! — рявкнул он ей в лицо, хотя под водой его голос звучал глухо, как сквозь вату. — Убьёшь нас обоих!

Но было поздно. Высвобожденная капля Пустоты отреагировала на присутствие Пожирателя. Тьма внутри Лир узнала родственную тьму снаружи — и потянулась к ней, как любовник к любовнице. Чёрные щупальца, проникшие сквозь брешь в борту, дрогнули, переключив внимание с обломков на живой источник. Они метнулись к ней, обвивая лодыжки, талию, шею — не грубо, а почти ласково, с мерзкой интимностью, от которой желудок скрутило спазмом.

Кайан взмахнул «Песнью Тишины». Лезвие рассекло одно щупальце, второе, но на их месте вырастали новые. Он рычал, его аура вспыхивала серебром — антимагия окутывала его сияющим коконом, но в воде была не так эффективна. Тварь Пожирателя была древнее его дара.

— Режь цепь! — прохрипела Лира, когда голова оказалась на поверхности. — Второй браслет! Я смогу отогнать её!

— Чтобы ты сожгла корабль своей Пустотой? — прорычал он, но всё же перехватил меч и точным ударом перерубил звено, соединявшее её ножные кандалы. — Только попробуй ударить в спину, колдунья, и я лично вырежу тебе сердце.

— Оно и так пепел, — огрызнулась она.

С последним лопнувшим ограничителем её сила взревела. Пустота — не отсутствие, а антипод бытия — хлынула из ладоней чёрными дымными жгутами. Лира вскинула руки, и заклинание сорвалось с кончиков пальцев, прожигая в щупальцах дыры, обращая их в ничто. Тварь завизжала на частоте, заставившей лопнуть несколько досок. Но этого было мало. Монстр был снаружи, он обвивал весь корабль. Мачта рухнула, пробивая палубу.

— Нужно уходить! — Кайан схватил Лиру за шиворот и потащил к пролому в борту. Снаружи бушевал океан и извивалась гигантская туша — клубок щупалец, зубов и бездонных глаз. — Прыгай!

— Я не умею плавать! — призналась она прежде, чем он швырнул её в ледяную воду.

Шок от холода был почти таким же сильным, как шок от его прикосновения. Но этот холод она хотя бы могла ощутить. Волны накрыли с головой, потянули вниз. Рядом упал Кайан, всё ещё сжимая меч. Его силуэт в бурлящей воде казался размытым — только горящие стальные глаза служили ориентиром.

А потом щупальце обвило его поперёк груди и рвануло в чёрную бездну.

Лира замерла. Она могла уплыть. Могла позволить Пустоте создать вокруг неё пузырь и утащить в глубины, прочь от чудовища, прочь от Инквизиции, прочь от человека, который вёз её на смерть. Это был шанс. Свобода.

Но её подбородок всё ещё помнил жар его пальцев.

Проклиная всё на свете, она нырнула.

Вода была чернее ночи. Лира вытянула руку, концентрируя Пустоту в подобие клинка, и обрубил щупальце у самого основания. Тварь взревела. Кайан, освобождённый, развернулся — и их взгляды встретились в подводном сумраке. В его глазах читалось яростное непонимание: *зачем ты спасла меня?* Она и сама не знала ответа.

Корабль за их спинами разломился пополам, уходя на дно с тошнотворным стоном. Обломок мачты всплыл рядом, и Кайан ухватился за него, одновременно перехватывая Лиру поперёк талии — грубо, сильно, так, что у неё перехватило дыхание. И снова это чувство. Прикосновение его обнажённой руки к мокрой ткани её платья, сквозь которую проступало тепло его тела. Мир сузился до точки контакта, и Лира едва не забыла, что они посреди кораблекрушения.

— Держись, — прорычал он, прижимая её к бревну. — Только умри мне тут.

— Ты... только что... спас меня? — выдавила она, стуча зубами. От холода или от близости — непонятно.

— Я не спасал тебя. Я сохраняю казнь для Инквизиции, — отрезал он. Но его рука не разжалась. Она лежала на её талии тяжёлым, обжигающим якорем, и он не убирал её, даже когда волны немного утихли.

Их несло в открытое море. Туша Пожирателя, потеряв интерес, погрузилась в пучину. Шторм стихал. Над головой проступали равнодушные звёзды. Вдалеке темнела полоска земли — скалы Проклятого Архипелага, места, куда не ступала нога цивилизованного человека. Их обоих выбросит туда к рассвету, избитых, без провизии, связанных единственным обломком мачты и внезапной, пугающей нуждой друг в друге.

Лира закрыла глаза, позволяя сознанию плыть. Она чувствовала его сердцебиение через спину — размеренное, стальное, не желающее сдаваться. Чувствовала, как его пальцы едва заметно поглаживают ткань на её боку — возможно, неосознанно, просто чтобы убедиться, что она жива. А может, и нет.

Она не знала, что пугало её больше: чудовище, оставшееся за кормой, или этот мужчина, держащий её над бездной и обещающий три дня мучительной смерти. Или то, что его прикосновение стало единственной нитью, связывающей её с миром.

Где-то глубоко внутри, в колодце Пустоты, зародилась первая нота Резонанса. Уза, рождённая вынужденной близостью и спасённой жизнью, начала плести свои первые, невидимые нити.

Палач и ведьма. Железо и пепел. Как долго они продержатся, прежде чем уничтожат друг друга? Или прежде чем станут чем-то, чему нет названия?

Берег встретил их не лаской — равнодушием.

Мелкая галька впивалась в спину, мокрая ткань платья липла к телу, а во рту стоял привкус соли и крови. Лира лежала на спине, раскинув руки, и смотрела в небо — серое, предрасветное, подёрнутое дымкой. Грудь вздымалась и опускалась глубокими, жадными толчками. Она дышала. Она чувствовала, как холодный воздух проникает в лёгкие, как колет кожу ветер, как солёная вода щиплет царапины на ногах. Всё это было больно — и всё это было прекрасно.

Магия больше не спала.

Золотые браслеты-ограничители валялись на дне океана вместе с обломками «Серебряной Каравеллы». Лира поднесла к лицу дрожащие руки и уставилась на них, как на чужую собственность. Запястья пересекали багровые рубцы — следы оков, въевшиеся в серую, пепельную кожу. Вокруг этих отметин Пустота уже вибрировала, невидимая, но осязаемая, как гул перед землетрясением. Пальцы подрагивали от переизбытка силы, от долгожданной, пьянящей свободы.

Она снова могла колдовать.

Пять лет подавления. Пять лет беспомощности. И теперь эта мощь текла по венам вместе с кровью, требовала выхода, шептала о возмездии.

— Встать, — раздался голос. Стальной. Безжалостный.

Лира моргнула и перевела взгляд. Кайан стоял в двух шагах от неё. Мокрый, израненный, с распоротым рукавом, сквозь который виднелся косой порез на предплечье. Но поза оставалась боевой — ноги на ширине плеч, плечи развёрнуты, подбородок вздёрнут. В правой руке он сжимал «Песнь Тишины» — клинок, который она уже успела возненавидеть. Лезвие было направлено прямо ей в горло.

В ту же секунду мир снова сжался.

Антимагия ударила, словно кулаком под дых. Пустота внутри Леры захлебнулась, заби-лась, как птица о прутья клетки. Дрожь в пальцах прекратилась — не от успокоения, а от насильственного паралича. Проклятие Пепла вновь накрыло кожу глухой онемелой плёнкой. Она снова стала пустой.

— Я сказал, встать, — повторил Кайан, и кончик клинка коснулся её горла. Холод металла обжёг так, что по телу пробежала судорога. — Ты всё ещё моя пленница. Кораблекрушение ничего не меняет.

Лира медленно села, опираясь на локти. Её взгляд скользнул по лезвию, по его руке, по лицу — и задержался на глазах. В них больше не было того странного, замешанного интереса, что мелькнул в трюме. Только лёд. Только приказ.

Она могла бы подчиниться. Могла бы сыграть сломленную.

Но Пустота внутри неё — даже подавленная, даже скованная — узнала голод в его взгляде. Тот самый голод, что заставил его прийти в трюм. Тот самый, что заставил его касаться её лица. И тогда Лира поняла: он боится. Боится не её магии — а того, что она с ней делает. Того, что под его антимагией он — просто мужчина, а она — просто женщина, и между ними нет брони.

Она сделала выбор.

— Ты прав, — прошептала она, и её губы изогнулись в подобии улыбки. — Я твоя пленница.

А затем Лира рванулась вперёд — не от клинка, а на него, — и обеими ладонями схватилась за лезвие «Песни Тишины».

Мир взорвался болью.

Острая сталь вошла в плоть, рассекая кожу на ладонях, как пергамент. Кровь — алая, живая, горячая — хлынула мгновенно, заливая пальцы, стекая по запястьям, капая на серую гальку тяжёлыми рубиновыми каплями. Боль была ослепительной, чистой, почти оргазмической в своей интенсивности. После пяти лет пепельного бесчувствия эта агония ощущалась как благословение. Лира закричала — но это был не крик страдания. Это был смех. Хриплый, безумный, торжествующий.

Кайан замер.

На долю секунды его лицо утратило железную невозмутимость. Глаза расширились — не от ужаса, нет, от потрясения. Он видел, как её кровь течёт по его клинку, слышал этот смех, чувствовал, как она тянет лезвие на себя, насаживая ладони глубже, и не понимал. Сумасшедшая. Она сумасшедшая. Но его рука, сжимавшая рукоять, не шевельнулась. Он не убрал меч.

— Что... ты делаешь? — выдохнул он.

Лира подняла на него взгляд — дикий, сияющий, полный тёмного экстаза, — и оскалилась. Её зубы были в крови — она прикусила губу, сама того не заметив.

— Я чувствую, — прошептала она, и её голос вибрировал от наслаждения. — Я снова чувствую. Спасибо тебе, Железное Сердце.

А затем она разжала пальцы и отдернула руки от лезвия. Кровь хлынула с новой силой, заливая её колени, камень под ней, пену прибора. Но Лира уже не смотрела на раны. Она выставила перед собой окровавленные ладони, растопырила пальцы, и её улыбка стала шире, безумнее, опаснее.

— Ты подавляешь Пустоту, — сказала она, и в её голосе зазвучали низкие, потусторонние ноты. — Но кровь не магия. Кровь — это жизнь. А жизнь сильнее твоей антимэгии, охотник.

Капли крови на её ладонях задрожали, запульсировали, словно обрели собственное сердцебиение. Они начали подниматься в воздух, вытягиваясь в тонкие алые нити, закручиваясь в спирали. Магия крови — древняя, запретная, та, что не подчинялась законам обычных чар. Её не могла заблокировать даже «Песнь Тишины». Потому что кровь была не заклинанием. Кровь была жертвой.

— Опusti меч, — приказала Лира. Алые нити в воздухе затанцевали, нацеливаясь на него. — Или я покажу тебе, как выглядит человек, из которого выпили всю влагу.

Кайан смотрел на неё, и в его стальных глазах боролись ярость и восхищение. Он всё ещё держал клинок у её горла, но теперь это казалось жалкой формальностью. Её кровь капала с лезвия на землю — и каждая капля была потенциальным оружием. Он знал толк в магии крови. Знал, что она требует чудовищной платы. И знал, что она эффективна.

— Ты блефуешь, — проговорил он, но в голосе не было уверенности. — Ты истощена. После стольких лет без колдовства ты не вытянешь и простейшего проклятия.

— Проверь, — прошептала она и развела окровавленные ладони шире.

Воздух между ними зазвенел. Алые нити натянулись, готовые сорваться в полёт. На кончиках её пальцев заплясали багровые искры. Зрачки Леры расширились, поглощая радужку, делая глаза похожими на бездонные колодцы. Она вкладывала в это заклинание всё, что у неё было — всю боль, всю ярость, весь голод последних лет. Кровь пульсировала в такт сердцу, и сердце билось слишком быстро, слишком громко, на износ.

— Ты не убьёшь меня, — сказал Кайан тихо. — Я нужен тебе. Без меня ты не выберешься с этого острова.

— А ты — без меня, — парировала она. — Тварь Пожирателя всё ещё где-то там. И только моя Пустота может её отогнать.

Они замерли в патовой позиции: он — с мечом у её горла, она — с кровавыми нитями, нацеленными в его сердце. Двое врагов на пустынном берегу, связанные взаимной нуждой и взаимной ненавистью. И чем-то ещё, чему Лира боялась дать имя.

А затем её тело предало её.

Магия крови была слишком сильна для истощённого сосуда. Пальцы дрогнули, искры погасли, и алые нити осыпались безвольным дождём, смешиваясь с галькой. Лира пошатнулась. Глаза закатились, и она рухнула на бок, как сломанная кукла, всё ещё выставив перед собой окровавленные ладони — то ли в защитном жесте, то ли в мольбе.

Тишина.

Кайан стоял над ней, всё ещё сжимая «Песнь Тишины». Кровь капала с лезвия на землю — её кровь. Он смотрел на упавшую колдунью, и на его лице медленно, как трещина на льду, расплзалась усмешка.

А затем он засмеялся.

Смех был негромким, низким, рокошущим — не злым, нет, скорее изумлённым. Он смеялся над ней, над собой, над всей этой абсурдной ситуацией. Две недели он вёз её на казнь. Теперь они выброшены на Проклятый Архипелаг, без еды, без корабля, без шансов на спасение. И она, его пленница, только что пыталась угрожать ему магией крови, а вместо этого рухнула без сознания, едва не убив себя саму.

— Глупая, гордая, невозможная женщина, — проговорил он, отсмеявшись, и в его голосе прозвучало что-то, чего он сам не ожидал. Нежность? Восхищение? Что-то тёмное и опасное.

Он убрал меч в ножны.

Лира лежала на боку, поджав колени к груди. Мокрая, серая кожа, разметавшиеся пепельные волосы, кровь на ладонях, всё ещё сочащаяся сквозь пальцы. Она была в сознании — он видел это по дрожанию ресниц, по тому, как её губы пытались сложиться в ответную усмешку. Глупая. Гордая. Невозможная.

— Ты... смеёшься... надо мной? — выдохнула она, не открывая глаз. Голос был слабым, но в нём всё ещё звенел вызов.

— Именно так, Пеплорождённая, — ответил он, опускаясь на корточки рядом с ней. — Ты только что едва не превратила свои руки в решето, использовала запретную магию, которая выпила из тебя последние силы, и ради чего? Чтобы доказать мне, что ты опасна? Я и так это знал. Именно поэтому я вёз тебя в кандалах.

— Иди к демонам... — прошептала она.

— С удовольствием, но сначала найду убежище, — он оглядел берег. Взгляд зацепился за тёмный провал в скалах метрах в ста от линии прибоя. Пещера или грот — не важно. Главное, что там можно укрыться от ветра и возможного возвращения твари.

Он наклонился и без церемоний подхватил Лиру на руки. Одну руку пропустил под колени, вторую — под плечи. Она была легче, чем он ожидал, — словно птица с перебитыми крыльями. Или словно пепел, готовый рассыпаться от дуновения. Голова девушки безвольно запрокинулась, пепельные волосы коснулись его предплечья. Кайан ожидал вспышки Пепла — но проклятие молчало. Антимагия всё ещё работала, гасила его, защищала от контакта. Или дело было не в антимагии? Он вспомнил трюм, своё прикосновение к её лицу, и то, как она судорожно вздохнула. *Она не кричала от боли. Она...*

Он оборвал мысль.

— Ты волочёшь меня... как мешок с картошкой, — пробормотала Лира, не открывая глаз. Её голова перекачивалась в такт его шагам.

— Мешки с картошкой не пытаются меня убить, — отозвался он, шагая к скалам. — Обычно.

— Ты... всё ещё можешь касаться меня, — её голос стал тише, интимнее. — Моя кровь на твоих руках. И тебе не больно.

Он опустил взгляд. Её кровь действительно пропитала его рукав, смешалась с его собственной кровью из пореза на предплечье. Два багровых потока, тёплых, живых, сплетающихся в один. Кайан почувствовал странный укол где-то под рёбрами — не боль, нет, что-то иное. Отголосок Резонанса. Зарождающаяся Уза, которой не должно было быть, уже вибрировала в ответ на их смешавшуюся кровь.

— Спи, колдунья, — сказал он грубее, чем хотел. — Твои фокусы подождут до утра.

— Я не сплю, — прошептала она. — Я слушаю твоё сердцебиение. Оно... громкое. И неровное.

Кайан стиснул зубы и ускорил шаг. Вход в пещеру приближался — чёрная, влажная пасть в скальной породе, пахнувшая водорослями и вековой тьмой. Тени сгущались вокруг них, и в этих тенях что-то шевелилось — возможно, просто воображение, а возможно, нет.

Лири на его руках улыбнулась, не открывая глаз.

— Ты боишься, Железное Сердце, — прошептала она. — Но не твари. Не острова. Ты боишься меня.

Он не ответил.

Он вошёл в темноту, унося свою пленницу, своё проклятие и свою единственную надежду на спасение в холодное чрево скалы. А где-то в глубине океана, под толщей чёрной воды, Пожиратель уже ворочался, пробуждённый запахом пролитой магической крови, и настраивал свой бездонный голод на новый, манящий источник.

Уза между ними, сплетённая из боли, прикосновений и смешавшейся крови, натянулась первой, невидимой струной. И зазвучала.

Тихо. Пока ещё тихо.

Глава 2. Послушник и дыхание шторма

«Свет не прощает. Свет не утешает. Свет выжигает — и в этом его милосердие».

Он молился с самого рассвета.

Дамиан стоял на коленях в часовне Ордена Чистого Света — маленькой, суровой, высеченной из серого камня. Ни позолоты, ни фресок, ни мягких подушечек под колени. Только алтарь, только пламя, только камень. Именно так, как учили наставники: вера не должна быть удобной. Удобная вера — это первая ступень к ереси.

Перед ним, в каменной нише, высилась статуя Элувиана Предвечного — божества, которому он посвятил жизнь. Скульптор изобразил его не старцем и не воином, а существом, сотканным из вертикальных лучей. Ни лица, ни тела — только свет, исходящий из единого источника и расходящийся в бесконечность. Говорили, что Элувиан был первым существом, осознавшим само понятие Истины. Он не карал и не миловал — он просто *видел*. Видел каждого насквозь, до последнего тёмного помысла, до последней тайной страсти. И это знание было страшнее любого пламени.

— Предвечный, зрящий сквозь плоть и ложь, — шептал Дамиан, и его голос эхом отражался от голых стен. — Очисти меня. Выжги из меня всё, что не принадлежит Тебе. Я — Твой сосуд. Я — Твой меч. Я — Твой пепел.

Слова лились привычно, размеренно, но сегодня в них звенело что-то лишнее. Какая-то трещинка, которую он сам не мог определить. Дамиан нахмурился и сильнее сжал пальцы в замок. Костяшки побелели. Он молился уже два часа — с тех пор как серый рассвет тронул стрельчатые окна казармы. Колени ныли. В висках стучало. Но он не смел подняться, пока не почувствует *отклик*.

Отклика не было.

Элувиан молчал. Он всегда молчал, если верить старшим паладинам. «Предвечный говорит не словами, а событиями, — повторял наставник Грегор. — Если ты не слышишь Его, значит, недостаточно опустошил себя». И Дамиан старался. Он опустошал себя ежедневно, ежечасно — постами, ночными бдениями, самобичеванием. Он носил на теле священные татуировки, нанесённые освящёнными иглами, — знаки защиты от скверны. Знаки, которые оживали при малейшем плотском возбуждении и причиняли невыносимую боль. Так орден карал похоть. Так орден закалял дух.

Дамиану было двадцать. Он носил эти татуировки уже пять лет. И за пять лет ни разу не позволил им замолчать до конца — боль стала его постоянным спутником, его дыханием, его доказательством праведности.

— Брат Дамиан!

Голос ворвался в молитву, как камень в стекло. Дамиан вздрогнул, разомкнул пальцы и обернулся. В дверях часовни стоял Торвальд — его ровесник, послушник-мечник, широкоплечий, рыжеволосый, с вечным синяком на скуле и улыбкой, которую не могла стереть даже суровая дисциплина ордена. Торвальд был единственным, кого Дамиан осмеливался называть другом. Они вместе поступили в орден десять лет назад — два мальчика, отданные семьями в услужение Свету. Только Дамиан ушёл в молитву и догматы, а Торвальд — в меч и грубые шутки. И всё же между ними сохранилось то, что наставники называли «опасной привязанностью».

— Я молюсь, — холодно произнёс Дамиан, не поднимаясь с колен. — Что бы ни случилось, это подождёт.

— Не подождёт, — Торвальд шагнул внутрь, и его улыбка погасла. — «Серебряная Каравелла» не пришла в порт.

Дамиан медленно поднялся. Колени отозвались острой болью — он стоял на камне слишком долго. Но сейчас это было неважно. «Серебряная Каравелла» — корабль командира Кайана «Железное Сердце», легендарного охотника на магов, того самого, кто должен был доставить в Лунную Гавань Пеплорождённую ведьму. Дамиан знал об этом деле. Знал, что колдунью будут судить, а затем сожгут на Костре Очищения. Знал, что это будет великий день для ордена. И где-то в глубине души — там, где ещё тлели запретные искры любопытства, — он хотел увидеть её. Ту, что называют самой опасной еретичкой столетия. Ту, чьё прикосновение несёт смерть.

— Что значит «не пришла»? — спросил он, и голос прозвучал резче, чем он хотел.

— Ночью был шторм, — Торвальд переступил с ноги на ногу. — Но рыбаки говорят, это не простой шторм. Они видели чёрные щупальца у горизонта. И слышали крик. Не человеческий крик — *другой*. Совет собирается в главном зале. Всех послушников зовут.

Сердце Дамиана пропустило удар. Пожиратель. Он читал о нём в запретных книгах — тех, что орден прятал в подземных хранилищах, но любопытство всегда побеждало дисциплину. Древняя тварь, питающаяся магией и душами. Если она напала на «Каравеллу»...

— А командир Кайан? — спросил он быстро. — Он выжил?

— Неизвестно, — Торвальд пожал плечами. — Но это же Железное Сердце. Он и не из такого выбирался. Если кто и способен выплыть из пасти чудовища с пленницей на плече, так это он. Пойдём, брат. Совет ждёт.

Они вышли из часовни в длинный каменный коридор. Их шаги гулко отдавались под сводами, и эхо множило звук, превращая двоих послушников в целую армию. По пути к ним присоединился Селин — тощий, остроносый парень на год младше, с вечно испуганными глазами и даром чувствовать магию на расстоянии. Селин был третьим в их негласном круге — не друг, скорее, вечный объект насмешек Торвальда и молчаливой защиты Дамиана.

— Говорят, ведьма утопила корабль, — затараторил Селин, догоняя их. — Что она сама призвала Пожирателя, чтобы освободиться!

— Глупости, — отрезал Дамиан. — Если бы она могла призвать Пожирателя, она сделала бы это до того, как её сковали.

— Откуда ты знаешь? — Селин заглянул ему в лицо. — Ты же никогда её не видел.

— Я читал досье.

— Ты всегда всё читаешь, — хмыкнул Торвальд. — Лучше бы мечом больше занимался.

— У каждого своё оружие, — спокойно ответил Дамиан.

Они вошли в главный зал, где уже собралось около трёх десятков послушников и рыцарей. Воздух гудел от голосов. Командор Ордена — сухой, седой старик с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта, — стоял у дальней стены и говорил вполголоса с инквизитором в красной мантии. Дамиан уловил обрывки фраз: «...жертв нет...», «...архипелаг...», «...если Кайан жив, он доведёт её...».

— Вот видишь, — прошептал Торвальд, подталкивая Дамиана локтем. — Никто не сомневается, что Железное Сердце выжил. Он лучший из нас. Он доставит ведьму, даже если для этого ему придётся тащить её через весь Проклятый Архипелаг на себе.

— А если она его убьёт по дороге? — пискнул Селин.

— Она скована, — отрезал Дамиан. — И даже если нет — командир Кайан обладает антимагией. Она бессильна против него.

— Говорят, она красивая, — вдруг сказал Торвальд и ухмыльнулся. — Для пепельной ведьмы, конечно.

Дамиан не ответил. Он смотрел в окно — узкую бойницу, сквозь которую виднелся край свинцового неба. Красивая. Пеплорождённая. Самая опасная еретичка столетия. Он не должен был думать о её внешности. Но мысли уже текли туда — запретные, тёмные, манящие. Татуировки на груди ожили, причиняя привычную боль, и он задышал ровнее, благодаря Элувиана за это напоминание.

Совет продлился недолго. Решение было оглашено: считать командира Кайана действующим, пленницу — в розыске, Пожирателя — возможной угрозой. Всем послушникам предписывалось усилить молитвы и быть готовыми к выходу в море. Дамиан выслушал приказ с каменным лицом, но внутри что-то дрогнуло. *Быть готовым к выходу в море.* Он никогда не покидал Лунной Гавани. Никогда не видел Проклятого Архипелага. Никогда не встречал настоящую еретичку лицом к лицу. Его вера всегда была закалена в стенах, среди книг и молитв. Но теперь, кажется, ей предстояло выйти наружу — туда, где нет каменных сводов и предсказуемых правил.

И мысль эта была столь же ужасающей, сколь и пьянящей.

После совета он вышел во двор — ему нужно было подышать. Воздух в зале стал слишком густым от голосов, страха и возбуждения. Дамиан пересёк плац, где тренировались мечники, обогнул конюшню и вышел к старой крепостной стене, с которой открывался вид на море.

Здесь, наверху, было пусто. Никто не ходил сюда, кроме него, — все считали это место слишком ветреным и неудобным. Но Дамиан любил именно это. Ветер, соль, простор. То, что не подчинялось уставу.

Он остановился у зубчатого парапета и вдохнул полной грудью.

Запах моря всегда был разным — он выучил это ещё в детстве. Утром море пахло свежестью и йодом, днём — рыбой и разогретыми водорослями, вечером — тайной. Но сегодня запах был другим. Тяжёлым, тревожным, с металлическим привкусом. Так пахнет воздух перед грозой. Или перед битвой. Или перед чудом, которое ещё не решило, будет оно благословением или проклятием.

Дамиан поднял глаза к небу. Солнце пропало. Оно не зашло за горизонт — до вечера было ещё далеко. Оно исчезло, словно его поглотила серая, свинцовая пелена, ползущая с востока. Тучи сгущались над Лунной Гаванью, низкие, тяжёлые, набитые дождём и чем-то ещё.

Чем-то, отчего у Дамиана закололо кончики пальцев. Его татуировки — священные, освящённые, выжженные на коже иглами инквизиции — едва заметно завибрировали.

Магия. Где-то далеко, за горизонтом, пробудилась магия такой силы, что её отголоски долетели даже сюда.

— Предвечный, зрящий сквозь плоть и ложь... — начал он привычную молитву, но осёкся. Слова вдруг показались пустыми. Просто звуками, лишёнными смысла. Потому что прямо сейчас, в этот самый миг, где-то там — на Проклятом Архипелаге или под водой — творилось что-то, что не вписывалось ни в один догмат.

Ветер рванул сильнее, бросая в лицо мелкую водяную пыль. Дамиан подставил лицо ветру и закрыл глаза, позволяя стихии делать с ним что угодно. В этот миг он был не послушником. Не Святым Огнём. Просто двадцатилетним юношей, стоящим на краю огромного, непонятного мира и чувствующим, как этот мир меняется.

Шаги за спиной.

Лёгкие, почти неслышные — не мужские. Дамиан не обернулся, но все его чувства мгновенно обострились. Татуировки на предплечьях ожили, предупреждая: кто-то приблизился. Кто-то, в ком теплился потенциал — не магический, нет, но душевный, тот самый, что привлекает внимание Элувиана.

— Прошу прощения, — раздался тихий голос. Девушка. Совсем юная, судя по звуку. — Я не хотела помешать вашей молитве. Мне сказали, что здесь можно найти послушника Дамиана.

Только тогда он обернулся.

Перед ним стояла девушка лет семнадцати — худенькая, светловолосая, с обветренными губами и глазами цвета весенней листвы. Она была одета в простую серую рясу послушницы — новую, ещё не обмятую по фигуре, с иголки. На плече висела небольшая сумка. В руках она сжимала тревник — старый, потрёпанный, явно доставшийся от кого-то из старших сестёр.

Она была новой. Совсем новой. И она искала именно его.

— Вы — Дамиан? — спросила она, и в её голосе звякнула робкая надежда. — Меня зовут Амара. Я прибыла вчера из Южного Предела. Мне... мне сказали, что вы — лучший наставник для новоприбывших.

Дамиан моргнул. Лучший наставник? Он, двадцатилетний послушник, который никогда никого не наставлял, кроме себя самого?

— Кто это сказал? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Брат Торвальд, — Амара слегка покраснела. — Он сказал, что вы знаете устав наизусть и что если кто и поможет мне разобраться в служении, так это вы. Ещё он сказал, что вы слишком серьёзны, но это не страшно — мне тоже говорили, что я слишком серьёзна.

Дамиан мысленно пообещал Торвальду лишние два часа тренировки с мечом. Но вслух сказал другое:

— Что именно вы хотите узнать, послушница Амара?

Она замялась, переступила с ноги на ногу, покрепче сжала тревник. Ветер трепал её светлые волосы, выбившиеся из-под серого капюшона, и в этом жесте было что-то до боли беззащитное. Дамиан вдруг осознал, что она — первая девушка, с которой он говорит за последние полгода. Орден Чистого Света принимал женщин, но они обучались отдельно, в восточном крыле, и их пути с послушниками пересекались редко. А эта стояла перед ним и смотрела так, словно он был ответом на все её вопросы.

— Я хочу знать, — начала она медленно, — как вы выдерживаете. Татуировки. Я читала, что они причиняют боль, когда... когда тело восстаёт против духа. Я боюсь, что не справлюсь.

Дамиан замер. Никто никогда не задавал ему этого вопроса. Даже Торвальд, который знал его лучше всех, предпочитал отшучиваться. А эта девушка, совсем чужая, спросила напрямую — и её глаза, зелёные, ясные, смотрели на него без тени осуждения.

Он опустил взгляд на свои руки, где под рукавами рясы змеились выжженные узоры.

— Боль — это не наказание, — сказал он наконец. — Это напоминание. Предвечный не хочет, чтобы мы страдали бессмысленно. Он хочет, чтобы мы помнили: мы — не только плоть. Боль отрезвляет. Она не даёт забыться.

— Но разве это не страшно? — прошептала Амара. — Чувствовать боль каждый раз, когда... — она запнулась и покраснела гуще, но продолжила, — ...когда ты просто живой?

Он посмотрел ей в глаза. И впервые за долгое время почувствовал, как его собственные татуировки не отозвались привычным жжением. Её вопрос не был искушением. Он был исповедью.

— Страшно, — признался он тихо. — Но я напоминаю себе, что есть вещи страшнее. Например, потерять себя. Потерять Свет.

Амара долго смотрела на него, а затем робко улыбнулась — первой улыбкой за много дней, как она потом признается.

— Тогда, наверное, я справлюсь, — сказала она. — Если у меня будет такой наставник, как вы.

Дамиан не нашёлся с ответом. Он просто отвернулся к морю, чувствуя, как ветер снова бросает в лицо солёную пыль, как тучи сгущаются над головой, как далеко за горизонтом пульсирует чужая магия — магия, которую ему, возможно, придётся встретить лицом к лицу. А рядом стояла девушка с зелёными глазами и верила, что он — тот, кто поможет ей не потерять себя.

Он не знал, смеяться над этой иронией или молиться о прощении.

— Послушница Амара, — произнёс он, не оборачиваясь. — Первый урок: не ищите во мне ответов. Я сам их ещё не нашёл. Если вы готовы искать вместе — оставайтесь. Если нет — Торвальд, вероятно, будет хорошим наставником. Он хотя бы умеет смеяться.

Амара помолчала, а затем он услышал, как её шаги приблизились, а не удалились. Она встала рядом, положила требник на парапет и тоже посмотрела на море.

— Я останусь, — сказала она просто. — Здесь хорошо думается. И ветер... он пахнет чем-то новым. Чем-то, чего я ещё не знаю.

— Штормом, — ответил Дамиан. — Он пахнет штормом.

— Может быть, — согласилась Амара. — Но, может, и чем-то ещё.

Они стояли рядом у парапета — двое почти незнакомых людей, связанных одним орде- ном, одной верой и одним предчувствием. Ветер рвал облака над головой, море ворочалось, тяжёлое и серое, как старая рана. А далеко-далеко, на каменистом берегу Проклятого Архипелага, мужчина с железным сердцем волок в пещеру женщину с руками, изрезанными клинком, и Уза между ними затягивалась первым, робким узлом.

Но Дамиан ничего этого ещё не знал. Он знал только, что рядом стоит девушка, которая не побоялась задать самый страшный вопрос, — и почему-то от этого мир казался немного менее холодным

Они спускались с крепостной стены молча. Ветер трепал рясы, бросал в лицо колючую водяную пыль, но Амара не ёжилась — шагала ровно, с той неестественной выправкой, какую напускают на себя новички, когда хотят казаться достойными. Дамиан заметил это краем глаза. Как она поправляет лямку сумки точь-в-точь тем же движением, каким он сам поправлял перевязь с требником. Как она чуть отстаёт на полшага — не из робости, а потому что видела, что так делают младшие послушники, когда идут за наставником. Как её дыхание стало размеренным, молитвенным, хотя никто не учил её дышать в такт шагам.

Она копировала его.

Не грубо, не назойливо — тонко, почти неосознанно. Так плющ тянется к камню, находя в нём опору. Так юный послушник находит того, кто кажется воплощением всего, к чему он стремится, — и начинает отражать его, как гладкая вода отражает свет.

Дамиан не стал её одёргивать. Не сказал ни слова о том, что она идёт недостаточно прямо или слишком крепко сжимает требник. Вместо этого внутри шевельнулось что-то непривычное — тёплое, почти отцовское. Ему было всего двадцать, но он уже понимал: таких, как Амара, нужно не ломать, а лелеять. Потому что мир за стенами ордена сожрёт их заживо.

Он слишком хорошо это знал.

Коридоры монастыря встретили их привычной прохладой и запахом ладана, смешанного со старой каменной пылью. Они шли мимо келий, мимо закрытых дверей, за которыми слышалось бормотание молитв и скрип перьев. Амара держалась рядом, но Дамиан уже не смотрел на неё — его взгляд устремился внутрь, в те воспоминания, которые он редко кому открывал.

Он знал, во что превращаются милые девочки.

Знал задолго до того, как надел серую рясу.

Ему было двенадцать. Ещё не «брат Дамиан», ещё не «Святой Огонь» — просто мальчик из грязного квартала Лунной Гавани, сын портового грузчика и женицины, которая слишком рано угасла от лихорадки. Он жил на улице Коротких Теней — узкой, вонючей, зажатой между рыбным рынком и тремя тавернами, где матросы оставляли своё жалованье, а заодно и совесть.

Его соседкой была Лисса.

Лиссе было четырнадцать. Худая, с волосами цвета ржавчины и улыбкой, которая появлялась всё реже. Её мать пила. Отец — настоящий, не тот, кого она называла «папа», — исчез в море четыре года назад. А тот, кто спал в их доме теперь, приходил пьяным и оставлял синяки на матери и на ней.

Дамиан помнил день, когда Лисса постучалась к нему в каморку. Она держала на руках свёрток — маленький, орущий, замотанный в грязную тряпку. Её собственный живот всё ещё был круглым, а под глазами залегли чёрные круги.

— Мне некуда идти, — сказала она тихо. — Он... он сказал, что это не его. Сказал, чтобы я убиралась.

Дамиан стоял в дверях и смотрел на неё. Ему было двенадцать. Он не знал, что делать с младенцами. Не знал, как помочь. Но он помнил, как его собственная мать умирала — медленно, страшно, — и никто не пришёл им на помощь. Никто не протянул руку.

— Заходи, — сказал он.

Они прожили вместе три месяца. Он делил с ней хлеб, который зарабатывал, разгружая телеги в порту. Она нянчила ребёнка — девочку с такими же ржавыми волосами, — а по вечерам рассказывала, что хочет открыть маленькую пекарню. «С тёплыми булочками, Дами. Представляешь? Люди будут приходить, и пахнуть будет хлебом, а не рыбой». Он кивал и верил.

А потом однажды ночью в их дверь постучали. Тот самый мужчина. Пьяный, злой. Он искал Лиссу. Она не хотела возвращаться. Она кричала. Дамиан попытался встать между ними — и получил удар в лицо, от которого отлетел к стене. А когда очнулся, Лиссы не было. И ребёнка не было. И никто в квартале не захотел говорить, куда они делись. «Не твоё дело, мальчик. Иди своей дорогой».

Он искал её три дня. Нашёл в портовой таверне «Солёная петля» — не её саму, а слухи. Говорили, какая-то девчонка кинулась в море с мола. С ребёнком на руках. Говорили, ветер был северный, а вода — ледяная. Говорили, никто не стал нырять.

Дамиан стоял на том молу до заката. Смотрел в серую воду и молчал. А на следующий день впервые переступил порог храма Элувиана.

Не потому что верил. Потому что понял: если он не станет тем, кто приходит на помощь, он навсегда останется тем, кто лежит у стены.

Настоящее нахлынуло резко, как всегда после этих воспоминаний. Дамиан потрянул головой и заметил, что они уже вышли во внутренний сад — небольшой, зажатый между четырьмя

стенами, с чахлыми кустами и старым колодцем посередине. Амара всё ещё шла рядом, поглядывая на него с тревогой.

— Вы задумались, — сказала она тихо. — Я не помешала?

— Нет, — ответил он. — Просто вспомнил кое-что.

— Что-то... тяжёлое?

Он помолчал, а затем впервые посмотрел на неё иначе — не как на послушницу, а как на человека, которому предстоит нести этот груз.

— В этом мире слишком много девушек, которые не могут помочь себе, — сказал он негромко. — Те, что живут в дальних переулках. Те, чьи родители продают их за буханку хлеба. Те, что не успели повзрослеть, а уже носят детей. Ордену нужны такие, как вы, Амара. Не просто верующие. Те, кто будет помнить.

Она покраснела и опустила глаза.

— Я... я постараюсь быть достойной вашего примера, брат Дамиан.

— Не моего примера, — поправил он мягко. — Своего собственного. Я всего лишь иду рядом. Не больше.

Она хотела что-то ответить, но в этот миг в сад ворвался Торвальд. В прямом смысле — он бежал, размахивая руками, и его рыжая шевелюра стояла дыбом от ветра. Ряса сбилась набок, на поясе болтался меч, а на щеке алел свежий синяк — результат утренней тренировки.

— Дамиан! — выдохнул он, хватая воздух. — Слава Предвечному, ты здесь. Идём. Быстрее!

— Что случилось? — Дамиан мгновенно развернулся к нему, и его голос стал жёстче.

— Рыбаки, — Торвальд упёр руки в колени, переводя дух. — Только что причалили. Они выловили в море двоих. Это люди Кайана! Из тех, кто был на «Серебряной Каравелле». Их несло на обломках мачты. Оба живы, но... — он замолчал и выпрямился, и его лицо стало непривычно серьёзным, — ...оба в жутком состоянии.

Амара ахнула и прижала требник к груди. Дамиан не стал задавать лишних вопросов.

— Где они?

— В лазарете. Идём, я провожу. Ты же умеешь с такими говорить.

Они двинулись через сад, через внутренний двор, мимо плаца, где замерли тренирующиеся мечники, заметив их спешку. Торвальд шагал впереди, прокладывая дорогу. Дамиан — следом, собранный, напряжённый. Амара держалась чуть позади, но не отставала — её лицо побледнело, а пальцы, сжимавшие требник, побелели от напряжения. Она ещё не видела настоящих ран. Ещё не слышала голосов тех, кто выжил после встречи с тьмой. Но она не побежала прочь, и Дамиан отметил это про себя с уважением.

Лазарет встретил их запахом трав, уксуса и болезни. Это была длинная зала с высокими сводами, заставленная узкими койками. Большинство пустовало — орден не часто принимал раненых. Но в дальнем конце, у окна, занавешенного серой тканью, стояли две лежанки, и вокруг них уже хлопотали лекари.

Дамиан увидел их сразу.

Два парня. Совсем молодые — лет двадцати, не старше него самого. Один лежал на спине, бледный, как мел, с перевязанной грудью, и его дыхание было хриплым, клопочущим. Второй сидел, скорчившись, прижимая к животу трясущиеся руки, и раскачивался взад-вперёд. Обоих била крупная дрожь, губы посинели, а глаза — остекленевшие, дикие — смотрели куда-то сквозь стены, сквозь людей, сквозь саму реальность.

Горячка. И не просто горячка — шок от магического воздействия.

— Целитель сказал, они почти не в себе, — прошептал Торвальд. — Бредят. Один всё время орёт, что вода живая, второй просто молчит.

Дамиан шагнул вперёд. Мимо лекарей, мимо двух младших послушниц, что подавали бинты. Он остановился у изножья кроватей и спокойно, без резких движений, достал из-под

рясы брошь — знак служителя Ордена Чистого Света, серебряный луч, исходящий из круга. Протянул её так, чтобы оба раненых могли видеть.

— Братья, — произнёс он ровным, глубоким голосом. — Я служитель Элувиана Предвечного. Вы в безопасности. Вы в Лунной Гавани, в лазарете ордена. Тьма осталась в море. Здесь вам ничто не угрожает.

Тот, что раскачивался, медленно поднял голову. Его зрачки были расширены до предела, а губы дрожали, будто он пытался что-то сказать, но слова застревали в горле.

Дамиан подошёл ближе и опустил на одно колено рядом с ним.

— Как тебя зовут, брат?

— Э-эмиль, — выдохнул тот. — Я Эмиль. Я был на «Каравелле». Я... — он замолчал, и его тело снова сотряслось.

Дамиан сложил руки перед грудью — жест молитвы — и начал читать очистительную формулу. Негромко, размеренно, вливая в голос всю свою сосредоточенную волю:

— Предвечный, зрящий сквозь плоть и ложь, снизойди к этому страдающему. Очисти его разум от теней, а сердце — от ужаса. Ты — свет. Ты — покой. Ты — истина.

Рядом неслышно опустилась Амара. Она не спрашивала разрешения — просто встала на колени рядом с Дамианом, положила требник на каменный пол и тоже сложила руки. Её губы зашевелились, повторяя слова молитвы. Сначала тихо, едва слышно, потом — громче, увереннее. Голос был юным, но чистым, как родниковая вода.

Торвальд замер в дверях, не решаясь войти.

И случилось то, чего Дамиан не ожидал.

Мужчина — Эмиль — перестал раскачиваться. Его трясущиеся руки упали на колени. Он поднял взгляд на Дамиана, и в этом взгляде промелькнула искра осознания.

— Это было чудище, — прохрипел он. — Чудище, что мы везли. Нам сказали — ведьма. Нам сказали — она скована. Но она не была скована. Я видел...

— Что вы видели? — спросил Дамиан, не повышая голоса.

— Тьму, — выдохнул Эмиль, и его лицо исказилось. — Она выпустила тьму. Из себя. Из рук. Щупальца были... повсюду. И крик. Она кричала так, что вода кипела. А капитан... капитан Кайан...

Он запнулся, и тело снова забило в конвульсиях. Амара не прервала молитвы, но бросила на Дамиана быстрый, испуганный взгляд.

— Что — капитан Кайан? — надавил Дамиан, но мягко, как надавливают на рану, чтобы вышла грязь.

— Он спускался к ней, — зашептал Эмиль, и его голос стал заговорщицким, как у человека, который делится запретной тайной. — Каждый вечер спускался в трюм. Говорил, проверяет наручники. Но я видел... я слышал... он сидел там часами. Она что-то делала с ним. Что-то... — он сглотнул, и его глаза наполнились слезами ужаса. — Она его околдовала. Она его околдовала, и поэтому корабль погиб.

Дамиан замер. В висках застучала кровь.

Капитан Кайан — легендарный Железное Сердце, человек, чья антимагия была сильнейшей в ордене, тот, кто не поддавался никаким чарам, — сидел в трюме с ведьмой часами? Проверял наручники? Это не укладывалось в голове. Это не соответствовало ни одному досье.

— Ты ошибаешься, брат, — сказал он осторожно. — Командир Кайан невосприимчив к магии. Ты был в шоке. Ты видел то, чего не было.

— Я знаю, что я видел! — внезапно взвизгнул Эмиль, и его тело снова забило в судорогах. — Она чудовище! Она погубила всех! Всех, кроме меня и Олдена!

Второй раненый — Олден, видимо, — застонал и открыл глаза, но ничего не сказал. Только смотрел в потолок с выражением бесконечной усталости.

Дамиан поднялся с колен. Его сердце билось ровно, но мысли метались, как пойманные птицы. Он подошёл к лекарю — невысокому седому мужчине с усталыми глазами — и спросил тихо:

— Сколько они пробыли в воде?

— Судя по состоянию, часов двенадцать, не меньше, — ответил лекарь, вытирая руки полотенцем. — Солёная вода, холод, обломки вокруг — это чудо, что они вообще выжили. Но мозги им отшибло, парень. Не всё, что они говорят, — правда. Горячка искажает воспоминания.

— Я понимаю, — кивнул Дамиан. — И всё же то, что они говорят, может содержать зерно истины.

— Может, и так, — лекарь пожал плечами. — Но я лечу тело, а не душу. Душой займись сам.

Дамиан обернулся к Амаре, которая всё ещё стояла на коленях. Она уже не молилась — просто смотрела на раненых с выражением тихого, сосредоточенного сострадания. И в этом взгляде не было ни капли осуждения, ни капли страха. Только решимость — та самая, которую он так ценил.

— Вы хорошо держались, послушница, — сказал он ей. — Это была непростая сцена.

— Я знала, на что шла, когда вступала в орден, — ответила она тихо. — Но то, что он сказал... о ведьме... это правда?

Дамиан помолчал, а затем произнёс слова, которые дались ему с трудом:

— Я не знаю. Но, кажется, нам всем скоро придётся это выяснить.

Торвальд, стоявший в дверях, прокашлялся.

— Там, снаружи, погода совсем испортилась, — сказал он мрачно. — Ветер меняется. Рыбаки говорят, такого не было лет десять. Может, эта ведьма и впрямь накликала бурю?

— Или, — медленно произнёс Дамиан, глядя на трясущегося Эмиля, — буря пришла за ней. А капитан Кайан оказался единственным, кто встал между ней и тьмой.

Он не знал, почему сказал именно это. Слова вырвались сами — как будто кто-то вложил их в его уста. Татуировки на предплечьях едва заметно зажглись, причиняя тупую, знакомую боль. Предупреждение? Или подтверждение?

Амара и Торвальд переглянулись, но ничего не сказали.

А за окнами лазарета, над Лунной Гаванью, небо окончательно затянуло свинцом. Где-то далеко, на Проклятом Архипелаге, в тёмной пещере у самого моря, мужчина с железным сердцем разводил огонь, а женщина с пепельной кожей спала, скорчившись на каменном полу, и её изрезанные ладони кровоточили во сне. И Уза между ними — молодая, голодная, никому не видимая — с каждым часом становилась только крепче.

Дамиан этого ещё не знал. Но он чувствовал. Чувствовал, как мир меняется за пределами каменных стен.

И это чувство было страшнее любого шторма.

Глава 3. Пепел и сталь

«Жажда — это первая молитва тела. Тела, которое ещё помнит, что значит быть живым».

Сознание возвращалось к Лире рывками — как волны, что выносят на берег обломки, бросают, отступают и снова накрывают с головой. Сначала был только сушняк. Жуткий, всепоглощающий, царапающий горло изнутри, будто она наглоталась песка. Язык прилипал к нёбу. Губы спеклись и потрескались, и каждая трещинка отдавала солью. Вода. Ей нужна вода. Хотя бы капля.

Она попыталась пошевелиться — и не смогла.

Руки и ноги были стянуты грубой пеньковой верёвкой. Не магическими оковами — те остались на дне океана. Обычной корабельной снастью, пахнущей солью, плесенью и чем-то

ещё — возможно, кровью тех, кто не доплыл до берега. Верёвка впивалась в запястья поверх вчерашних порезов, и каждое движение отзывалось тупой, ноющей болью. Лира скосила глаза вниз — так и есть. Лодыжки тоже стянуты. Плотно. Умело. Узлы завязаны так, как вяжут только те, кто привык связывать пленников.

— Очнулась, Пеплорождённая?

Голос Кайана раздался откуда-то слева — низкий, спокойный, почти ленивый. Она повернула голову, преодолевая сопротивление онемевших мышц, и увидела его. Он сидел на большом плоском камне у входа в пещеру, и его фигура чётко вырисовывалась на фоне серого, пасмурного света. Доспехи — те самые, воронёной стали, — лежали рядом, аккуратно сложенные грудой. Сам Кайан остался в простой чёрной рубахе, мокрой, прилипшей к телу, и штанах, заправленных в сапоги. Без брони он казался... другим. Менее монументальным, но более опасным — как зверь, сбросивший чешую. Мышцы проступали сквозь влажную ткань, и Лира поймала себя на том, что смотрит дольше, чем стоило бы.

Его меч — «Песнь Тишины» — лежал рядом, на расстоянии вытянутой руки. Ближе к нему, чем к ней. Но сам факт, что он не держал клинок у её горла, уже казался крошечной уступкой.

— Ты меня связал, — прохрипела она, и голос прозвучал как скрежет ржавого металла.

— Заметно, — отозвался он, не оборачиваясь. — К берегу принесло обломки «Кара-веллы». Доски, парусину, бочонок с пресной водой — кстати, ты наверняка хочешь пить — и вот эти чудесные верёвки. Должно быть, само провидение. Я бы предпочёл кандалы, но за неимением лучшего сгодятся и они.

— Провидение, — повторила она, и в голосе прорезалась горькая усмешка. — Или твоя богиня, которая обожает мучить ведьм.

Он наконец обернулся. Лицо было спокойным, но в глазах — тот самый холодный блеск, который она уже научилась распознавать. Предупреждение.

— Моя богиня учит смирению. А твоё, насколько я вижу, оставляет желать лучшего.

Лира дёрнула руками — верёвка врезалась в порезы, и боль прострелила до локтей. Она зашипела сквозь зубы. Бесполезно. Узлы держали крепко, а сил после кораблекрушения, после магии крови, после всего, что она выплеснула на берегу, не осталось. Даже Пустота внутри молчала — не подавленная антимагией, а просто истощённая, как выжатый до капли колодец.

Значит, нужно сидеть смирно.

По крайней мере, пока.

Она перекатилась на бок — движение далось с трудом, мышцы дрожали от слабости — и подтянула связанные руки к лицу. Ладони представляли собой жуткое зрелище. Порезы от клинка «Песни Тишины» пересекали кожу наискось, глубокие, рваные, но уже не кровоточащие. Вокруг ран запеклась тёмная корка, и эта корка всё ещё хранила цвет — багровый, почти чёрный. Лира поднесла ладонь к губам и медленно, почти благоговейно провела языком по линии пореза.

Соль. Металл. Жизнь.

Кровь перестала течь, но вкус остался — её собственный, горьковато-солёный, с примесью той древней магии, что текла в её жилах. Она слизывала запёкшуюся кровь, как зверь зализывает раны, и в этом жесте было что-то глубоко интимное. Что-то, отчего Кайан, перебивавший обломки в углу пещеры, вдруг замер.

— Ты всегда так делаешь? — спросил он, и в его голосе прозвучало странное выражение — не отвращение, а скорее мрачное любопытство.

— Только когда меня лишают воды, — ответила она, не отрывая губ от ладони. — Кровь — это жидкость. А я хочу пить.

— Ты ненормальная.

— Ты это уже говорил.

Он хмыкнул и вернулся к своему занятию. Перед ним лежала куча хлама, выброшенного морем: обломки досок, моток промасленной верёвки, деревянный сундучок с разбитой крышкой, из которого торчало что-то похожее на свёрток парусины, несколько металлических скоб, разбитый фонарь и — о чудо — небольшой бочонок, который Кайан уже вскрыл и из которого сделал несколько глотков. Лира проводила бочонок голодным взглядом, но смолчала.

Кайан работал молча, методично, сортируя находки: съедобное — в одну сторону, полезное для костра — в другую, бесполезный мусор — в общую кучу. Его движения были точными, выверенными, как у человека, который провёл в походах всю жизнь. Без доспехов, в одной рубахе с закатанными рукавами, он выглядел почти... обычным. Почти человеком. Но Лира уже знала: за этой обычностью скрывается сталь, которая не гнётся.

— Что вызвало то чудище? — спросил он вдруг, не прерывая работы. — Пожиратель не нападает на случайные корабли. Он охотится за чем-то конкретным.

Лира оторвала губы от ладони и посмотрела на него с выражением усталой насмешки.

— Мне откуда знать?

— Ты — сильнейшая ведьма этого столетия, — он бросил на неё короткий взгляд. — Или, по крайней мере, так о тебе говорят. Если кто и мог привлечь эту тварь, то только ты.

— Лестно, — она криво усмехнулась. — Но, может, это Хозяйка Глубин меня учуяла? Может, она тоже хочет заполучить Пеплорождённую в свою коллекцию? Я вообще-то ценная ведьма, Железное Сердце. Моё проклятие интересно всем.

— Хозяйка Глубин? — он нахмурился. — Ты говоришь о морской богине?

— Богине, демонице, древней сущности — называй как хочешь, — Лира пожала плечами, насколько позволяли верёвки. — Она собирает души утопленников. Говорят, у неё на дне целый дворец из костей. И она обожает ведьм. Особенно проклятых.

Кайан отложил моток верёвки и посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

— Мне всё равно, кто за тобой охотится, — произнёс он наконец. — Ты интересна только церкви и огню. Всё, что между, — лишь вопрос времени.

Лира встретила его взгляд и не отвела глаз. В пещере повисла тишина, наполненная только шумом волн и потрескиванием маленького костерка, который Кайан успел развести, пока она была без сознания.

— А тебе? — спросила она тихо, и в её голосе прорезалась та самая опасная, бархатная нота, которая появлялась всякий раз, когда она ступала на тонкий лёд. — Неужели я совсем ничего тебе не показываю? Неужели тебе совсем не интересно?

Он рассмеялся. Смех был коротким, резким, лишённым веселья — как удар клинка о камень.

— Ты — ведьма, — сказал он, и каждое слово падало тяжело, как приговор. — А таких, как вы, я не переношу на дух. Вы сеете хаос. Вы разрушаете всё, к чему прикасаетесь. Вы отнимаете волю. Если бы моё желание имело значение, твоя голова уже была бы у чудища. Или на дне океана. Или где угодно, лишь бы подальше от меня.

Лира слушала его, и на её губах медленно расцветала улыбка — тонкая, острая, полная того самого ведьмовского знания, которое злило его больше всего.

— Ты даже не понимаешь, с кем играешься, воин, — произнесла она, растягивая слова. — Ты стоишь здесь, в пещере, на Проклятом Архипелаге, без своего ордена, без своей армии, и говоришь мне, что не переносишь ведьм. А сам держишь в руках дар, который дала тебе именно ведьма. Вернее, та, кто стоит за всеми ведьмами.

Он замер. Пальцы, перебиравшие обломок доски, сжались в кулак.

— О чём ты?

— О Селенире, конечно, — Лира произнесла имя так, как произносят молитву — тихо, с отяжкой, впуская в звук отголоски древней силы. — О Той-Кто-Прядёт-В-Тенях. О Матери

Всех Ведьм. Ты должен быть благодарен ей, Железное Сердце. Это она даровала тебе твою особенность. Твою драгоценную антимагию.

Кайан поднялся. Медленно, как разворачивается пружина. Его лицо окаменело, а глаза — те самые, стальные — полыхнули яростью, которую он до сих пор держал под замком.

— Замолчи, — произнёс он, и голос прозвучал как приказ.

Но Лира не замолчала. Она уже вошла во вкус — в тот самый, опасный, когда слова становятся оружием, а правда — самым острым его лезвием.

— Селенира — мать всей магии, — продолжала она, глядя ему прямо в глаза. — Всей. Включая ту, что течёт в тебе. Ты думаешь, твоя способность подавлять чары — это благословение твоей драгоценной Астреи? — она усмехнулась. — Астрея — богиня света, порядка и послушных овец. Она не раздаёт дары охотникам. Она раздаёт заповеди. А Селенира... она раздаёт силу. Всем. Даже тем, кто её ненавидит.

— Я служу только Астрее, — прорычал Кайан, и его рука дёрнулась к мечу. — Моя сила — от света. От порядка. От истины.

— Твоя сила — от ведьмовской богини, — отрезала Лира. — Можешь сколько угодно отрицать. Можешь молиться своей светлой деве до кровавых мозолей на коленях. Но именно Селенира дала тебе антимагию. Именно она отметила тебя. И знаешь, зачем?

Он не ответил. Он стоял, сжимая и разжимая кулаки, и желваки ходили на его скулах, как живые.

— Затем, что ты — часть её игры, — прошептала Лира. — Такой же, как я. Как все проклятые души этого мира. И чем раньше ты это признаешь, тем легче тебе будет.

Удар пришёлся по лицу — хлесткий, безжалостный, наотмашь.

Лира отлетела назад, ударилась плечом о каменный пол, и перед глазами вспыхнули белые искры. Щека загорелась огнём. Во рту появился металлический привкус — на этот раз её собственной крови, свежей, горячей. Верёвки впились в запястья с новой силой, и порезы на ладонях отозвались острой болью.

Она замерла, тяжело дыша. Не закричала. Не заплакала. Просто лежала, уткнувшись лицом в холодный камень, и слушала, как гулко стучит сердце.

Кайан стоял над ней. Его дыхание было тяжёлым, рваным — не от усталости, а от ярости, которую он едва сдерживал. Он наклонился ниже, так что его тень накрыла её целиком, и произнёс тихо, почти шёпотом — но этот шёпот был страшнее любого крика:

— Тогда я не вижу, чтобы она тебе помогала. Твоя Селенира. Твоя Мать Всех Ведьм. Где она сейчас? Почему она не разорвала твои путы? Почему не исцелила твои руки? — он выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз. — Видимо, ты ей не нужна. Видимо, ты — всего лишь отработанный материал. Пепел, который даже собственная богиня стряхнула с ладони.

Тишина.

Лира лежала, не шевелясь. Его слова вонзились глубже, чем пощёчина, — туда, где под бронёй цинизма и яда всё ещё жила та, прежняя Лира. Та, что когда-то верила. Та, что когда-то молилась. Та, что искала ответа и не нашла.

Но она не показала ему этой боли. Ни за что.

Вместо этого она медленно перевернулась на спину, преодолевая боль в плече и связанных руках, и посмотрела на него снизу вверх. Её левая щека уже наливалась багровым, но глаза — серые, глубокие, полные пепла — смотрели с вызовом.

— Может быть, — сказала она тихо, и её губы изогнулись в кривой, разбитой улыбке. — А может быть, она просто ждёт. У богинь, знаешь ли, свои сроки. И свои планы. И когда Селенира решит, что мне пора подняться, — она облизала разбитую губу, и кровь окрасила кончик языка, — ни ты, ни твоя Астрея, ни весь твой орден меня не остановите.

Кайан смотрел на неё долго, тяжело. В его глазах боролись ненависть и что-то ещё — то самое, чему он не хотел давать названия. Затем он резко отвернулся, подошёл к бочонку с водой, зачерпнул кружкой — видимо, тоже найденной среди обломков — и вернулся к Лире.

Опустился на корточки. Протянул кружку к её губам.

— Пей, — сказал он грубо. — Не потому что ты мне нужна. А потому что я не хочу, чтобы ты умерла от жажды раньше, чем от огня.

Лира приподняла голову и сделала глоток. Вода была затхлой, отдающей деревом, но ей казалось, что ничего вкуснее она не пробовала за всю свою жизнь. Она пила жадно, захлёбываясь, и вода текла по подбородку, смешиваясь с кровью из разбитой губы.

Когда кружка опустела, Кайан отёрнул её и вернулся к своей куче обломков. Лира снова опустилась на каменный пол, чувствуя, как вода разливается по телу живительным теплом.

— Спасибо, — прошептала она, и это слово прозвучало почти искренне.

— Не за что, — бросил он, не оборачиваясь. — Ты всё ещё моя пленница.

— Я знаю, — ответила она. — Но ты дал мне воды. А мог бы не давать.

Он промолчал. Но его плечи, только что напряжённые, едва заметно расслабились.

Лира закрыла глаза. Щека горела. Запястья ныли. Но внутри, под слоем усталости и боли, теплилась маленькая, упрямая искра. Она задела его. Она заставила его ударить — значит, её слова попали в цель. Значит, где-то под железной бронёй есть трещина. А трещина — это всё, что нужно ведьме, чтобы пустить корни.

Селенира, Мать Теней, действительно молчала. Но Лира знала: богиня наблюдает. И ждёт.

Как и она сама.

Снаружи, за пределами пещеры, ветер выл всё громче. Море швыряло на камни обломки «Серебряной Каравеллы» — доски, ткань, чьи-то разбитые надежды. А где-то в глубине океана, в холоде и темноте, Хозяйка Глубин — или сам Пожиратель — ворочался во сне, пробуждённый запахом пролитой крови и первым, робким импульсом Узы, которая связала охотника и ведьму крепче любых верёвок.

Утро пришло без солнца.

Лира проснулась от холода — того особенного, пещерного, что заползает под одежду и селится в костях. Серый свет сочился сквозь вход в пещеру, разбавленный туманом, и рисовал на каменных стенах бледные, дрожащие узоры. Она лежала на том же месте, где уснула — на голом камне, подложив под голову согнутую руку. Связанные запястья затекли, верёвка натёрла кожу до красноты, а порезы на ладонях отозвались глухой, пульсирующей болью, едва она попыталась пошевелить пальцами.

Но боль — она уже поняла это — была хорошим знаком. Боль означала, что она жива.

Она приподнялась на локте, морщась от усилия, и оглядела пещеру. Кайан не спал. Он сидел у входа, где серый свет падал наиболее щедро, и занимался своим мечом. «Песнь Тишины» лежала у него на коленях, и он размеренными, выверенными движениями водил точильным камнем по лезвию. Звук был гипнотическим — металл о камень, ритмичный, как дыхание спящего зверя. Он уже успел привести себя в порядок: умылся морской водой (на скуле блестела капля), перевязал порез на предплечье свежей полоской ткани и облачился в свою чёрную рубашу, на которую теперь был накинута лёгкая кожаная доспех — видимо, поддоспешник, который он носил под стальными пластинами. Основной доспех по-прежнему лежал в стороне, но теперь аккуратно сложенный, готовый к бою.

Рядом с ним, на расстеленной парусине, были разложены находки: три небольших бочонка (один с водой, два с чем-то ещё), моток верёвки, промасленный свёрток, несколько металлических скоб, сломанный компас и маленький холщовый мешочек, из которого торчали крошки чего-то похожего на сухари.

— Ты спал вообще? — спросила Лира хрипло.

— Нет, — ответил он, не отрываясь от меча. — Сторожил.

— От кого? От меня?

— В том числе.

Она хмыкнула и села полностью, привалившись спиной к стене пещеры. Холод камня просочился сквозь ткань платья мгновенно, заставляя ёжиться. Её платье всё ещё было влажным после вчерашнего — соль въелась в ткань, сделав её жёсткой и колючей.

— Ослабь верёвки, — произнесла она, поднимая связанные запястья. — Я не чувствую пальцев. Если ты хочешь, чтобы я шла сама, а не висела у тебя на плече, дай мне немного крови в руки.

Кайан наконец поднял глаза от меча. Он посмотрел на её запястья, на багровые следы от верёвок, на кончики пальцев, которые действительно слегка посинели.

— Нет, — сказал он и вернулся к заточке.

— Почему?

— Потому что вчера ты пыталась выпустить мне кишки магией крови. И это было меньше суток назад.

— Я была в отчаянии.

— Ты была собой, — отрезал он. — А это одно и то же.

Лира закатила глаза и откинула голову на камень. Спорить было бессмысленно. Вместо этого она поднесла связанные руки к лицу и осмотрела ладони. Порезы затянулись. Не полностью — до полноценного заживления было далеко, — но края ран стянулись, покраснение ушло, а та тонкая, дрожащая боль, что сигнализирует о заражении, исчезла.

Она замерла.

Это было неправильно. С её телом, истощённым многолетним подавлением магии и вчерашним выбросом, раны должны были заживать медленно. Очень медленно. Она знала свой организм — после побега от Инквизиции, после того как её поймали, после двух недель в кандалах, она была истощена до предела. И тем не менее кожа на ладонях розовела, натягивалась, затягивалась — быстрее, чем должна была.

Пустота восстанавливалась.

Тихо, незаметно, глубоко внутри, где не могла достать даже «Песнь Тишины». Магия возвращалась в неё, как вода возвращается в пересохшее русло — сначала робкими ручейками, потом всё увереннее. Лира прикрыла глаза и прислушалась к себе. Да, она чувствовала это — глухую, низкую вибрацию, зарождающуюся где-то в солнечном сплетении. Словно далёкий гром. Словно обещание бури.

Она не знала, радоваться этому или бояться. С одной стороны, возвращение Пустоты означало шанс. С другой — Кайан заметит.

— Ты замерла, — проговорил он, и Лира вздрогнула. — О чём думаешь?

— О завтраке, — солгала она, не открывая глаз. — Ты обещал сухари.

Он фыркнул. Она услышала, как он поднялся, как шаги приблизились, как звякнула кружка о камень. Затем перед её лицом оказалась та самая глиняная кружка с водой, а на колени упал небольшой сухарь — твёрдый, серый, явно корабельный, из тех, что пекут для дальних походов.

— Ешь, — сказал Кайан. — Нам нужно идти.

— Идти? — она открыла глаза и посмотрела на него с недоверием. — Куда?

— Искать выход с этого проклятого острова, — он отошёл к своей куче припасов и начал укладывать их в заплечный мешок, который, видимо, тоже принесло море. — Проклятый Архипелаг — это не одна скала. Здесь десятки островов. Некоторые обитаемы. Некоторые — нет. Если мы останемся здесь, то умрём с голоду или попадёмся Пожирателю, когда он вернётся.

Ли́ра вгрызлась в суха́рь. Он был ужасен — твёрдый, как подошва, и безвкусный, как песок. Но желудок, сжавшийся от голода, принял его с благодарностью. Она запила суха́рь водой и снова посмотрела на свои связанные руки.

— Если мы идём, развяжи мне хотя бы ноги, — сказала она. — Я не смогу карабкаться по скалам со стянутыми лодыжками. И тебе придётся меня нести. А я, как ты вчера заметил, хоть и лёгкая, но не настолько, чтобы таскать меня целый день.

Кайан замер, обдумывая её слова. Затем вынул из-за пояса нож, подошёл к ней и одним резким движением перерезал верёвку на лодыжках. Ноги мгновенно отозвались облегчением — кровь хлынула по сосудам, и Ли́ра едва не застонала от удовольствия, растирая онемевшие щиколотки.

— Руки остаются связанными, — предупредил он. — Спереди. Чтобы ты могла держаться за уступы, но не могла плести заклинания.

— Доверие, — усмехнулась она. — Мне нравится.

— Это не доверие. Это расчёт.

Он поднял её на ноги — не грубо, но и не нежно. Деловито. Как поднимают упавший мешок. Ли́ра покачнулась, ухвати́лась связанными руками за его предплечье и тут же отдё́рнула пальцы, вспомнив, как вчера её прикосновение отозвалось в нём яростью. Но Кайан даже не вздрогнул. Он просто дождался, пока она восстановит равновесие, и отпустил.

— Сможешь идти?

— Смогу.

— Тогда выходим.

Он накинул заплечный мешок, пристегнул «Песнь Тишины» к поясу и первым вышел из пещеры. Ли́ра двинулась следом, морщась от боли в босых ступнях — её сапоги остались на дне океана. Камни были холодными, острыми, покрытыми скользкими водорослями, и каждый шаг отдавался в позвоночник. Но она шла. Сцепив зубы, стиснув связанные руки перед собой, она шла за своим тюремщиком, потому что выбора не было.

Снаружи их встретил серый, туманный день. Небо было затянуто низкими облаками, и море — тяжёлое, свинцовое — лениво лизало каменистый берег. Ветер дул с востока, принося запах соли и гниющих водорослей. Вдалеке, у линии горизонта, темнели силуэты других островов — скалистых, неприветливых, ошети́нившихся острыми пиками.

Кайан оглядел берег, прикидывая направление, а затем повернул налево, в сторону скалистого выступа, за которым, как он надеялся, могла быть бухта или хотя бы более пологий склон.

— Держись рядом, — бросил он через плечо. — Здесь могут быть твари.

— Кроме нас с тобой? — не удержалась Ли́ра.

Он не ответил, но она заметила, как дёрнулся уголок его губ — то ли усмешка, то ли судорога раздражения.

Они двинулись вдоль берега. Кайан шёл первым, широким, размеренным шагом. Ли́ра — следом, спотыкаясь на мокрых камнях, но упрямо не прося помощи. Связанные руки мешали держать равновесие, и пару раз она едва не упала, но удержалась — из чистой гордости. Она не доставит ему удовольствия видеть её слабой. Не сейчас.

Когда они отошли от пещеры на достаточное расстояние, Ли́ра нарушила молчание:

— Ты так и не ответил на мой вопрос.

— Какой из?

— Что ты чувствуешь, когда прикасаешься ко мне?

Кайан остановился. Обернулся. Его лицо было непроницаемым, но в глазах — та самая настороженность, которая говорила больше, чем он хотел.

— Ничего, — сказал он. — Я ничего не чувствую.

— Лжёшь, — спокойно произнесла она. — Вчера, в пещере, когда ты ударил меня... твоя рука дрожала. Я заметила. Ты можешь ненавидеть меня, но твоё тело знает то, чего твой разум отказывается признавать.

Он подошёл к ней вплотную — одним стремительным, хищным движением, так что она вынуждена была отступить и упереться спиной в мокрую скалу. Его лицо нависло над её — слишком близко, слишком опасно. От него пахло солью, металлом и тем самым мужским, терпким, что заставило её сердце сбиться с ритма ещё в трюме.

— Моё тело знает, как убивать таких, как ты, — произнёс он негромко, и его голос вибрировал от сдерживаемой ярости. — И поверь мне, Пеплорождённая, если бы у меня был выбор, я бы уже сделал это. Ты здесь только потому, что я дал клятву доставить тебя на суд. Живую. Не более.

— Но и не менее, — прошептала она, глядя ему в глаза. — Живую. Ты произнёс это слово. И оно ко многому тебя обязывает, Железное Сердце.

Он резко отстранился. Развернулся и пошёл дальше, ничего не ответив. Но его плечи снова напряглись, а шаг стал жёстче — как будто он убегал. От неё. От её слов. От правды, которую она вскрывала, как нож вскрывает старую рану.

Лира смотрела ему в спину, и на её губах играла слабая, усталая улыбка. Она не победила в этом разговоре. Но и не проиграла.

А это было уже кое-что.

Она двинулась следом, переступая босыми ногами по острым камням, чувствуя, как Пустота внутри неё пульсирует всё громче, всё увереннее. Её магия возвращалась. Её раны затягивались. И где-то глубоко внутри, под слоями боли, холода и ненависти, Уза между ней и этим мужчиной продолжала плести свои первые, ещё невидимые нити.

Остров был только началом.

Берег тянулся бесконечно — серая лента гальки и песка, зажатая между морем и скалами. Чем дальше они уходили от пещеры, тем мрачнее становился пейзаж. Скалы громоздились всё выше, их бока были изрезаны трещинами, как старые шрамы, а у подножия, где волны вылизывали камень, образовались глубокие вымоины, заполненные чёрной, стоячей водой. Воняло гниющими водорослями, йодом и чем-то сладковатым, тошнотворным — Лира знала этот запах. Так пахла магия, когда она разлагалась. Так пахли мёртвые заклинания.

Над головой с криками носились чайки — тощие, с взъерошенным оперением, они кружили над берегом и дрались за каждую дохлую рыбёшку. Их крики были резкими, надрывными, и в них слышалось что-то почти человеческое — жалоба, голод, отчаяние. Редкий кустарник, скрюченный ветром, цеплялся за расщелины скал, как нищий цепляется за милостыню. Всё здесь было серым: небо, вода, камни, даже сам воздух, казалось, имел цвет — цвет пепла.

Лира шла босиком, и каждый камень отдавался в ступни. Связанные руки, вытянутые вперёд, уже не болели — просто онемели, что было ещё хуже. Она смотрела под ноги, привычно сканируя поверхность на предмет опасностей, и вдруг замерла.

Следы.

На полосе влажного песка, там, где волны ещё не дотянулись своим языком, отпечатались чёткие борозды. Они были странными: не человеческие, не звериные, не птичьи. Слишком длинные, слишком тонкие, с неровными краями, словно кто-то волочил по песку не ноги, а щупальца или когти, но при этом двигался целенаправленно. Следы уходили от воды к скалам и там терялись в тенях.

Кайан тоже заметил. Он остановился на полушаге, и его рука мгновенно легла на рукоять «Песни Тишины». Поза изменилась — плечи развернулись, колени чуть согнулись, корпус понизился. Охотник. В одно мгновение он превратился из усталого путника в того, кем был на самом деле, — машину для убийства.

— Видела? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да, — коротко ответила она.

— Пожиратель.

— Не уверена.

Он резко обернулся и посмотрел на неё с тем самым выражением, которое она уже научилась ненавидеть, — смесью превосходства и раздражения.

— Разумеется, ты не уверена. Ты ведьма, но ты ничего не знаешь.

— Я знаю достаточно, — спокойно ответила Лира, не отводя взгляда. — Это не след Пожирателя. У него щупальца толще, и он не выходит на сушу в такую погоду. Это скорее отражения.

— Отражения? — Кайан нахмурился.

— Сущности, которые питаются магией, — пояснила она, присаживаясь на корточки и разглядывая следы. — Они не самостоятельны. Они — эхо. Их порождает присутствие сильного магического источника. Например, такой ведьмы, как я. Или такой твари, как Пожиратель. Они идут по запаху. Если здесь есть отражения, значит, где-то рядом — источник.

Кайан подошёл ближе и тоже опустился на корточки, разглядывая следы. Его лицо было напряжённым, но в глазах мелькнуло что-то похожее на неохотное признание.

— Откуда ты знаешь?

— Читала.

— Читала? — он недоверчиво хмыкнул. — Где? В пустыне? Ты очень долго скрывалась в пустыне, Пеплорождённая. Откуда тебе знать, как выглядят следы морских тварей?

Лира выпрямилась, и её глаза блеснули. Его слова задели её — не тем, что он сказал, а тем, как он это сказал. Снисходительно. Как будто её жизнь в изгнании, её выживание в песках были чем-то незначительным. Как будто она не провела годы, изучая каждую тварь, которая могла за ней охотиться.

— Пустыня — не пустота, — произнесла она тихо, но в её голосе зазвенела сталь. — В пустыне тоже есть твари. И книги. И знания. Я знаю, о чём говорю, Железное Сердце. То, что я не обучалась в твоём драгоценном ордене, не значит, что я глупа.

— Я не говорил, что ты глупа.

— Ты сказал достаточно.

Они замерли друг напротив друга на сером песке, разделённые следами неведомой твари, и воздух между ними снова зазвенел от напряжения. Чайки орали над головой, как зрители, ожидающие развязки. Но Кайан первым отвёл взгляд — не потому что сдался, а потому что заметил что-то у скал.

— Ладно, — сказал он, выпрямляясь. — Пусть отражения. Что они делают?

— Высасывают, — ответила Лира, и её голос стал будничным, как будто она объясняла рецепт. — Если ты маг — они выпьют твою силу. Если нет — они выпьют твою жизнь. Они не разбирают. Но они медленные и тупые. Если не подходить близко, можно пройти мимо.

— Отлично. Тогда не подходим близко.

Они двинулись дальше, но теперь оба шли настороже. Кайан не убирал руку с меча, а Лира, хоть и была связана, сканировала воздух обострившимся чутьём. Пустота внутри неё пульсировала всё громче, и это было одновременно и благословением, и проклятием: она чувствовала магию повсюду — в воде, в скалах, в самом воздухе. И где-то впереди, за поворотом берега, магии было особенно много.

Они сделали короткую остановку, чтобы собрать то, что могло пригодиться. Кайан наломал сухих веток с чахлого кустарника и связал их в вязанку — дрова для следующего костра. Лира, связанными руками, набрала в подол платья съедобных ракушек — мелких, ребристых, прилепившихся к камням у самой воды. Она делала это машинально, как делала сотни раз в пустыне, когда еды не было, а выживать нужно было любой ценой. Кайан заметил, как ловко

она отделяет ракушки от камня, как уверенно отбрасывает пустые или испорченные, и промолчал. Но его взгляд стал чуть менее враждебным.

Они обогнули скалистый выступ, и тут Лира остановилась как вкопанная.

На большом плоском камне у самой воды сидел человек.

Вернее, сначала ей показалось, что это мираж. Фигура была слишком неподвижной, слишком изящной для дикого острова, и одета она была не в лохмотья потерпевшего крушение, а в добротный кожаный доспех тёмно-бордового цвета, поверх которого был накинут лёгкий плащ с капюшоном. Но капюшон был откинут, открывая лицо — тонкое, с острыми скулами, с гладкой, бледной кожей и ярко-жёлтыми глазами, которые горели на фоне серого дня, как два фонаря.

Андрогин. Не мужчина, но и не женщина — существо, балансирующее где-то посередине. Волосы были короткими, пепельно-русыми, торчащими в художественном беспорядке. Губы изогнуты в лёгкой, насмешливой улыбке, которая, казалось, никогда не покидала этого лица. Одна нога, обутая в высокий сапог, покачивалась в воздухе, другая упиралась в камень.

— Ну надо же, — произнесла фигура голосом, в котором смешались мужские и женские ноты — низкие, бархатистые, с лёгкой хрипотцой. — Железное Сердце собственной персоной. И с ним, если я не ошибаюсь, та самая Пеплорождённая. Какая честь для моего скромного острова.

Кайан замер. Его лицо мгновенно окаменело, а рука дёрнулась к мечу с такой скоростью, что Лира едва уловила движение.

— Рейвен, — произнёс он, и в его голосе прозвучала целая гамма эмоций: узнавание, ярость, напряжение — всё сразу. — Ты что здесь делаешь?

— Живу, — Рейвен легко спрыгнул с камня и приземлился на песок совершенно беззвучно. — Ну, или выживаю. Всё зависит от того, кого ты спросишь.

Он двинулся к ним — нет, не «он», поняла Лира. «Рейвен» — имя, одинаково подходящее и мужчине, и женщине. И существо, стоящее перед ней, было именно существом — оборотнем, способным менять облик. Сейчас он был ближе к мужскому, но с той особенной, зыбкой красотой, которая не принадлежит ни одному полу. Ярко-жёлтые глаза с вертикальными зрачками смотрели на них с кошачьим любопытством.

— Старый друг, — промурлыкал Рейвен, подходя ближе к Кайану, и его улыбка стала шире. — Сколько лет, сколько з-з-зим. Ты всё такой же мрачный. И всё такой же... — он обошёл Кайана по дуге, как кот обходит добычу, — ...вкусный.

Кайан выхватил меч. «Песнь Тишины» запела, выходя из ножен, и её лезвие упёрлось в грудь Рейвена. Но тот даже не вздрогнул. Только улыбнулся ещё шире, показав острые клыки.

— Всё ещё злишься? Из-за той ночи в Лунной Гавани? Я думал, ты забыл.

— Заткнись, — рыкнул Кайан.

— Ну почему же? — Рейвен плавно отступил на шаг, уклоняясь от меча, и вдруг переключил внимание на Лиру. Его жёлтые глаза уставились на неё с таким интересом, что ей стало не по себе. — А ты, значит, и есть та самая легенда. Пеплорождённая. Самая опасная ведьма столетия.

Он приблизился к ней — и, прежде чем Лира успела отреагировать, обошёл её так же, как до этого обходил Кайана. Его взгляд скользнул по её связанным рукам, по багровым следам верёвок, по порезам на ладонях, и в жёлтых глазах промелькнуло что-то похожее на сочувствие. А потом он вдруг шагнул вплотную и обнял её.

Крепко. По-свойски.

Лира замерла. объятие было тёплым, почти интимным, и от Рейвена пахло корицей и дымом — странный, пряный запах, совершенно неуместный на этом богом забытом острове. Его руки сомкнулись у неё на спине, и он прошептал ей на ухо, так тихо, что Кайан не услышал:

— Не бойся. Я не враг. По крайней мере, не тебе.

А затем он отпустил её и отступил, и его лицо снова приняло то самое легкомысленное, насмешливое выражение.

— Легенда, — повторил он, обращаясь уже к обоим. — Я слышал о вас. О вашем крушении. О том, как тварь из глубин раскурочила «Серебряную Каравеллу». И я слышал ещё кое-что, — его голос стал ниже, интимнее. — Пожиратель Глубин учуял запах нашей драгоценной Лирочки. И теперь его цель — она. Я узнал это из самих глубин. Слухи, знаете ли, путешествуют под водой быстрее, чем под парусом.

Кайан опустил меч, но не убрал его в ножны.

— Откуда ты знаешь?

— Я же сказал: из глубин, — Рейвен пожал плечами. — У меня есть свои источники. Рыбы, водяные духи, пара болтливых утопленников. Пожиратель не просто напал на ваш корабль. Он охотился. Он почувствовал её, — он кивнул на Лиру, — и шёл целенаправленно. И поверьте мне, Железное Сердце, он вернётся. Он уже возвращается.

Лира слушала, и холодок пробежал по её спине. Она вспомнила, как щупальца обвивали её лодыжки. Как тварь тянула её вниз, в чёрную воду. Как Пустота внутри неё потянулась навстречу — родственная тьма к родственной тьме.

— Зачем тебе нам помогать? — спросила она, глядя Рейвену в глаза.

— А кто сказал, что я помогаю? — он улыбнулся. — Может, я просто хочу посмотреть, чем всё закончится. Трагедия, фарс, любовная драма — в любом случае, это будет зрелище.

— Рейвен, — прорычал Кайан, и в его голосе послышалось предупреждение.

— Ладно-ладно, — Рейвен примирительно поднял руки. — Я предлагаю сделку. Я знаю путь к убежищу. Кое-кто, кого вы оба, возможно, знаете, держит тут поблизости одно очень уютное местечко. «Дом Сплетённых Теней». Серафина будет рада гостям — особенно таким дорогим. Там вы сможете укрыться от Пожирателя, перевязать раны, — он покосился на ладони Лир, — и решить, что делать дальше.

Кайан и Лира переглянулись. В его взгляде читалось недоверие, смешанное с чем-то ещё. В её — осторожный интерес.

— Я не доверяю тебе, — сказал Кайан прямо.

— А я и не прошу доверия, — Рейвен осклабился. — Я прошу только временного союза. Проведу вас, представлю Серафине, а дальше — сами. Пожиратель всё равно сожрёт нас всех, если вы останетесь здесь, на открытом берегу, и будете спорить до посинения.

— Он прав, — сказала Лира тихо. Кайан резко обернулся к ней. — Мне плевать, что между вами было. Я хочу выжить. А для этого нам нужен проводник.

— Умная девочка, — промурлыкал Рейвен.

Кайан стиснул зубы. Желваки заходили на скулах. Он смотрел на Рейвена с выражением, в котором Лира прочитала целую историю — старую, болезненную, неоконченную. Эти двое явно знали друг друга. И между ними явно было что-то, что Кайан предпочёл бы забыть.

— Только посмей что-нибудь начудить, — произнёс он наконец, и его голос прозвучал как лязг засова. — Одно неверное движение — и я забуду, что мы когда-то были знакомы.

— О, поверь, — Рейвен прижал руку к сердцу в театральном жесте, — я слишком хорошо помню, каким ты бываешь, когда злишься. И я не горю желанием снова оказаться прижатым к стенке. По крайней мере, не в плохом смысле.

Кайан шагнул к нему, и Лира инстинктивно встала между ними.

— Довольно, — сказала она твёрдо. — Мы идём. Веди, Рейвен. Но перед этим, — она подняла связанные руки, — заключим сделку.

— Сделку? — жёлтые глаза блеснули любопытством.

— Ты проведёшь нас к убежищу.

Рейвен шагнул ближе и посмотрел Лире прямо в глаза,

— Пообещай не использовать против меня Пустоту. При условии, что я не буду использовать свои шпионские трюки против вас. Идёт, великая ведьма?

Лира моргнула. Он перехватил инициативу — ловко, как фокусник, меняющий карты местами. Теперь это он предлагал сделку, он ставил условия. И это означало, что он боится её магии куда больше, чем хочет показать.

Она посмотрела на него долгим, изучающим взглядом, а затем уголки её губ дрогнули в усмешке.

— Ты боишься моей магии? — спросила она, приподняв бровь. — Неужели такая страшная ведьма, как я, внушает ужас самому Рейвену?

— Конечно, боюсь, — ответил он без тени стеснения, и его голос прозвучал почти интимно. — Я лучше себя обезопасю. Я видел, как ты вчера зализывала свои раны на берегу. Я сидел на том уступе, — он мотнул головой в сторону скал, — и смотрел, как твоя Пустота восстанавливается. Даже сейчас, даже под давлением *этого*, — он кивнул на «Песнь Тишины», висящую у пояса Кайана, — она растёт. Ты опасна, Лира. Опаснее, чем сама думаешь. Поэтому да, я прошу: великая ведьма, пощади меня, скромного шпиона, и не обращай свою тьму против меня. А я, в свою очередь, не буду обращать против тебя свои... таланты.

Он протянул руку — изящную, с длинными пальцами, на указательном поблёскивало серебряное кольцо с тёмным камнем. Не простое украшение — Лира заметила, как камень едва заметно пульсирует в такт его сердцебиению. Магический артефакт.

Лира перевела взгляд на Кайана. Тот стоял мрачнее тучи, скрестив руки на груди, и молчал. Но молчание было красноречивее слов: он соглашался на этот союз только потому, что выбора не было. И он ненавидел каждую секунду этого согласия.

— По рукам, — сказала Лира и вложила свои связанные запястья в его ладонь.

И в тот же миг мир вокруг них дрогнул.

Это не было похоже на обычную магию — ни вспышки, ни искр, ни гудения в воздухе. Скорее, само пространство между их соединёнными руками уплотнилось, стало гуще, словно воздух превратился в невидимый мёд. Лира почувствовала, как Пустота внутри неё шевельнулась, потянулась навстречу — не агрессивно, а настороженно, как зверь, обнюхивающий чужака. А от ладони Рейвена исходила другая сила — лёгкая, ускользающая, пахнущая дымом и корицей. Магия оборотня. Магия теней.

Рейвен осторожно, почти нежно сжал её пальцы, и его жёлтые глаза на мгновение стали серьёзными — без обычной насмешки, без игры. Зрачки расширились, поглощая радужку, и в их глубине Лира увидела что-то древнее, что-то, что жило в нём задолго до того, как он стал шпионом и проводником.

— Я, Рейвен из Дома Теней, — произнёс он низким, вибрирующим голосом, — заключаю договор с Лирой Пеплорождённой. Я проведу её и её спутника к убежищу Серафины, не причинив вреда ни делом, ни умыслом, ни магией. И да будет моя сила залогом.

Слова падали тяжело, как камни в воду, и каждое из них отзывалось в воздухе невидимой рябью.

Лира почувствовала, как договор требует ответа. Не разумом — телом. Её губы раскрылись сами собой, и голос зазвучал глубже, чем обычно, словно сквозь неё говорила сама Пустота:

— Я, Лира Пеплорождённая, принимаю договор. Я не обращаю Пустоту против Рейвена из Дома Теней, пока он соблюдает свои клятвы. И да будет моя сила залогом.

В тот же миг воздух между их ладонями вспыхнул — не светом, а чем-то противоположным, какой-то глубокой, бархатистой тьмой, которая на секунду поглотила все звуки вокруг. Чайки замолкли. Волны замерли. Даже ветер стих, словно прислушиваясь.

А затем за правым ухом Лиры вспыхнула боль — короткая, острая, как укол раскалённой иглы. Она дёрнулась, но Рейвен удержал её руку.

— Тихо, — прошептал он. — Это просто метка.

Боль ушла так же быстро, как появилась, оставив после себя лёгкое, приятное покалывание. Лира поднесла связанные руки к голове и осторожно коснулась места за ухом. Под пальцами кожа была горячей и слегка шероховатой — там, где раньше не было ничего, теперь проступал крошечный символ. Она не видела его, но чувствовала форму: миниатюрный ворон, расправивший крылья, заключённый в круг. Или, может быть, перо? Символ был незнакомым, но странно правильным, как будто всегда там и был.

Рейвен убрал волосы с левой стороны своего лица и повернулся, показывая ей то же место за ухом. Там, на бледной коже, темнела ответная метка — миниатюрный язык пламени, окружённый пеплом.

— Видишь? — сказал он с лёгкой улыбкой. — Теперь мы повязаны. Пока метка цела, договор действует. Если кто-то из нас нарушит слово... — он провёл пальцем по горлу в красноречивом жесте. — ...метка сгорит. А вместе с ней — часть души нарушителя.

— Ты не сказал, что это будет кровная клятва, — прорычал Кайан, делая шаг вперёд. Его рука снова легла на рукоять меча.

— А ты не спрашивал, — пожал плечами Рейвен. — И вообще, Железное Сердце, это не твоя сделка. Это наша с Лирой.

Кайан перевёл взгляд на Лиру. Она встретила его глаза и спокойно кивнула:

— Я в порядке. Это честная сделка.

— Честная сделка с Рейвеном? — Кайан недоверчиво хмыкнул. — Это оксюморон.

— О, дорогой, — промурлыкал Рейвен, и его улыбка снова стала масляной, — ты просто до сих пор злишься, что я оказался честнее тебя в ту ночь. Я ничего тебе не обещал — и ничего не нарушил. А ты обещал мне... что ты там обещал? «Я не позволю чувствам взять верх»? — он театрально приложил ладонь к сердцу. — Ах, какой был момент. Ты был так горяч, Кайан. В прямом смысле. Я думал, у тебя искры из глаз посыплются.

— Заткнись, — процедил Кайан, и его скулы порозовели — то ли от ярости, то ли от чего-то ещё, чему Лира не могла подобрать названия.

Она переводила взгляд с одного на другого, и кусочки мозаики начинали складываться. *Та ночь. Лунная Гавань. Он был горяч.* Между этими двумя определённо что-то было — что-то, что Кайан пытался похоронить под слоем стали и дисциплины, а Рейвен, наоборот, вытаскивал на свет при каждом удобном случае.

— Вот и славно, — произнёс Рейвен, прерывая затянувшуюся паузу. Он отпустил руку Лир и развернулся к тропе. — А теперь идём. До темноты нужно успеть добраться до уступа. Там начинается путь к Серафине. И молитесь своим богам — кстати, Лира, твоей Селенире, а тебе, Кайан, твоей Астрее — чтобы Пожиратель не решил подняться на берег раньше, чем мы скроемся.

Он двинулся вдоль берега лёгкой, танцующей походкой, и его плащ развевался за спиной, как тёмное крыло. Кайан и Лира переглянулись. В его взгляде всё ещё кипела ярость пополам с недоверием, но он сдержал себя. Убрал меч в ножны — медленно, как будто каждое движение давалось ему с трудом. Коротко кивнул ей:

— Иди первой.

Лира пошла за Рейвеном. Босые ноги ступали по холодному песку, связанные руки покачивались в такт шагам, а за правым ухом всё ещё покалывало — метка договора пульсировала в такт сердцу, напоминая о том, что она только что связала себя клятвой с существом, которого совсем не знала.

Но выбора не было. Пожиратель возвращался. И единственный путь к спасению лежал через этого странного, насмешливого оборотня с жёлтыми глазами и тёмным прошлым, которое, кажется, переплеталось с прошлым Кайана самым неожиданным образом.

Она коснулась метки за ухом и едва заметно улыбнулась. По крайней мере, теперь у неё был союзник. Пусть и временный.

А это больше, чем у неё было вчера.

Лира пошла за Рейвеном. Босые ноги ступали по холодному песку, связанные руки покачивались в такт шагам, а в голове крутилась одна-единственная мысль: *Он знает Серафину. Он знает Кайана. Кто же ты такой на самом деле, Рейвен?*

Словно услышав её мысли, оборотень обернулся через плечо и подмигнул ей — дерзко, по-мальчишески, так что жёлтые глаза вспыхнули золотыми искрами.

— Кстати, Лира, — бросил он через плечо, — твой тюремщик был так горяч в ту ночь в Лунной Гавани, что я до сих пор вспоминаю с содроганием. Ты бы им гордилась.

— РЕЙВЕН! — рявкнул Кайан.

А Лира, сама того не желая, почувствовала, как губы расползаются в первой за долгое время настоящей улыбке.

Кажется, их компания только что стала намного интереснее.

Глава 4. «Тот, кто не выбирает облик»

«Доверие — это не нить. Это прыжок. И никогда не знаешь, будет ли дно».

Ночной привал устроили в расщелине между двумя скалистыми уступами — узкой, но глубокой, защищённой от ветра с трёх сторон. Рейвен назвал это место «Карманом» — по его словам, здесь часто прятались контрабандисты с Архипелага, пока Проклятые острова не стали окончательно проклятыми. Пол был устлан мелким, сухим песком, а свод нависал достаточно низко, чтобы удерживать тепло костра. Почти уютно. Почти безопасно.

Кайан, не проронив ни слова, сгрузил припасы и ушёл за дровами — на склоне, который они миновали час назад, он заметил сухой кустарник. Лира знала этот тип мужчин: им нужно двигаться, чтобы не думать. Ему нужно было уйти от неё, от Рейвена, от того напряжения, что повисло между ними тремя с момента встречи. Она читала это в его плечах — жёстких, вздёргнутых, как будто он всё ещё держал меч перед собой.

Рейвен, напротив, развалился на песке с грацией сытого кота. Он сбросил плащ, оставшись в лёгком бордовом дублете, расстегнул ворот и, закинув руки за голову, устался в каменный потолок с видом человека, у которого нет ни одной проблемы в мире.

— Давно ты за нами следил? — спросила Лира, устраиваясь у стены. Она вытянула босые ноги, поморщившись от боли в израненных ступнях, и поджала колени к груди, насколько позволяли связанные руки.

— С того момента, как вас выбросило на берег, — лениво отозвался Рейвен. — Точнее, с того момента, как ты попыталась перерезать себе ладони о его меч. Эффектное зрелище. Я чуть не захлопал, честное слово.

— Ты мог бы помочь, — заметила она сухо.

— Зачем? Вы прекрасно справлялись сами. К тому же я хотел посмотреть, убьёт он тебя или нет. Это был захватывающий момент. Я даже ставки делал сам с собой.

— И кто выиграл?

— Я, разумеется, — он повернул голову и улыбнулся ей той самой ленивой, кошачьей улыбкой. — Я поставил на то, что ты выживешь. Кайан слишком благороден для хладнокровного убийства. Он должен мучиться, понимаешь? Это его главная черта. Мучения и долг.

Лира тихо рассмеялась — впервые за долгое время, и смех получился хриплым, надтреснутым, словно она разучилась это делать.

— Ты хорошо его знаешь.

— Лучше, чем он хотел бы, — в голосе Рейвена промелькнуло что-то, похожее на тень грусти, но он быстро сменил тон. — Но давай не обо мне. Поговорим о тебе, Пеплорождённая. Ты когда-нибудь встречала кого-то из знаменитых существ? Кроме меня, конечно.

— Знаменитых существ?

— Ну, знаешь. Легендарные зверюльки, великие ай-ши — так называют оборотней моего клана, — духи, ведьмы, которые вошли в историю. Ты ведь немало путешествовала.

Лира задумалась. Пальцы машинально потянулись к метке за ухом — она уже привыкла к её теплу.

— Однажды в пустыне я встретила Сфинкса, — сказала она. — Не того, что из легенд — с телом льва и крыльями. А того, что живёт под песками. Он говорил загадками и предложил мне обменять моё проклятие на его — вечный сон. Я почти согласилась.

— Почти? — Рейвен приподнялся на локте, и его жёлтые глаза блеснули интересом.

— Он запросил мои воспоминания. Все. Сказал, что Пепел слишком ценен, чтобы отдавать его просто так. А я... — она помолчала, глядя в невидимую точку на стене. — Я не смогла расстаться с тем немногим, что у меня осталось. Даже ради избавления.

Рейвен долго смотрел на неё, и его лицо утратило обычную насмешливость.

— Ты странная ведьма, — сказал он наконец. — Другие на твоём месте уже давно сошли бы с ума или продали бы душу кому угодно. А ты держись.

— У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда, — он снова лёг, но теперь его поза была менее расслабленной. — Просто иногда он хуже, чем смерть.

Наступила пауза. Костерок, разведённый из сухих водорослей и остатков кустарника, тихо потрескивал, отбрасывая на стены танцующие тени. Лира смотрела на эти тени и думала о том, как странно сидеть здесь, в пещере, с существом, которое она знает всего несколько часов, и чувствовать себя почти... спокойно.

— Ты встречал Зару? — спросил Рейвен вдруг, и его голос стал осторожнее — так ступают по тонкому льду.

Лира замерла. Имя упало между ними, как камень в колодец, и отголоски пошли кругами. Зара. Её бывшая наставница. Её бывшая любовь. Та, что наложила на неё Проклятие Пепла из ревности. Та, чьё имя всё ещё отзывалось болью где-то под сердцем.

— Я не хочу о ней говорить, — сказала она, и голос прозвучал холоднее, чем она хотела.

— Понимаю, — Рейвен помолчал, а затем добавил тихо: — Но я должен тебе кое-что сказать.

— Что?

Он сел, скрестив ноги, и посмотрел ей прямо в глаза. Вся его легкомысленность исчезла, оставив только усталую, почти сочувственную прямоту.

— Я работаю на Зару. Тайно. Она отправила меня сюда шпионить за Пожирателем, а заодно — искать тебя. Она... — он замялся, подбирая слово. — Она всё ещё одержима тобой, Лира. Она говорит о тебе постоянно. Следит за новостями. Собирает слухи. Иногда мне кажется, что она не живёт, а просто ждёт. Ждёт момента, когда ты вернёшься.

Лира почувствовала, как внутри всё сжалось. Не от страха — от старой, незаживающей боли.

— Она ищет меня? — прошептала она.

— Да. И, судя по всему, скоро найдёт. — Рейвен помрачнел. — Я не должен был тебе говорить. Это против моих обязательств. Но я решил, что ты имеешь право знать. Тем более что сейчас я действую в своих интересах, а не в её.

— В каких интересах?

— В интересах собственной шкуры, — он снова улыбнулся, но улыбка вышла горькой. — Я устал быть чужой игрушкой. Сначала Зара, потом Кайан, потом снова Зара. Я оборотень, Лира. Ай-ши. Мы не созданы для клеток. А она держит меня на поводке уже много лет.

— Магический контракт? — догадалась Лира.

— Да, — он отвёл взгляд. — Я не могу о нём говорить. Буквально. Условия контракта запрещают. Но я могу действовать в обход. И я хочу разорвать его. Может быть, ты... — он осёкся и покачал головой. — Нет. Не сейчас. Сейчас ты слишком слаба, а я слишком связан.

Лира смотрела на него и впервые видела не шпиона, не проводника, не насмешника — а живое, израненное существо, которое, как и она, пыталось выжить в мире, где сильные использовали слабых как инструменты.

Не думая, она протянула связанные руки и коснулась его запястья — самого краешка, кончиками пальцев. И замерла, ожидая привычной вспышки Пепла, боли, отдёргнутой руки.

Но ничего не произошло.

Его кожа была тёплой. Мягкой. Она чувствовала её — впервые за пять лет. Чувствовала, как под тонкой кожей бьётся пульс, как проступает текстура — гладкая, живая, настоящая.

Рейвен посмотрел на их руки и тихо пояснил:

— Я оборотень. Я могу менять облик на такой, который невосприимчив к проклятиям. Сейчас моя кожа — не совсем человеческая. Пеплу не за что ухватиться.

— Ты можешь... — Лира задохнулась. — Ты можешь касаться меня?

— Похоже на то, — он осторожно накрыл её ладонь своей, и этот простой жест — прикосновение пальцев к пальцам — был настолько нежным, настолько ошеломляющим после пяти лет пустоты, что у неё на глазах выступили слёзы.

— Эй, — Рейвен наклонился, заглядывая ей в лицо. — Ты чего?

— Ничего, — она сморгнула слёзы и криво улыбнулась. — Просто забыла, как это бывает.

— Забыла? — он нахмурился, а затем его лицо осветилось пониманием, смешанным с чем-то похожим на ярость — не к ней, к тем, кто сделал это с ней. — Проклятие... ты не можешь чувствовать прикосновений?

— Ничьих. Только тех, кто делает мне больно. И ещё Кайана — он подавляет Пепел своей антимагией, но он... — она запнулась. — Он не нежен.

— Могу себе представить, — хмыкнул Рейвен. — Железное Сердце. У него даже сердце, говорят, из стали.

— Это не метафора, — сказала Лира. — У него действительно железное сердце. В прямом смысле. Старый боевой трофей, заменённый орган. Я слышала его биение в трюме. Оно звучит иначе.

Рейвен присвистнул.

— С каждым днём он становится всё интереснее. Но давай вернёмся к тебе. Ты просила развязать руки.

— Да, — она подняла связанные запястья. — Я не могу колдовать — твоя метка и его меч держат Пустоту под контролем. Я просто хочу пошевелить пальцами. Пожалуйста, Рейвен. Я пять лет не чувствовала прикосновений, а теперь ещё и руки связаны.

Он склонил голову набок и посмотрел на неё с выражением, в котором смешались сочувствие и лукавство.

— Знаешь, — проговорил он задумчиво, — когда ты просишь, у тебя делается такое лицо, будто ты сейчас либо заплачешь, либо проклянёшь. И то, и другое одинаково опасно.

— Я не заплачу.

— А проклянёшь?

— Только если не развяжешь.

Рейвен расхохотался — легко, искренне, запрокинув голову. Эхо его смеха заметалось под каменным сводом, и на мгновение пещера показалась почти жилой.

— Ладно, великая ведьма, — отсмеявшись, сказал он. — Я не развяжу тебя сейчас. Но не потому что не доверяю. А потому что, если Кайан вернётся и увидит тебя без пут, он сначала убьёт меня, а потом спросит, зачем. И ты останешься без проводника.

— Логично, — неохотно признала Лира.

— Но я обещаю: когда настанет нужный момент, — он понизил голос и наклонился ближе, так что его дыхание коснулось её щеки, — я развяжу тебя. Если ты доверишься мне. Полностью. Даже в том, чего я не могу сейчас сказать.

— Ты просишь слишком многого, — прошептала она.

— А ты — нет? — он подмигнул и отстранился.

В этот момент снаружи послышались шаги — тяжёлые, уверенные, хрустящие галькой. Кайан вернулся.

Рейвен мгновенно перекатился в сторону, увеличивая дистанцию между собой и Лирой, но недостаточно быстро. Кайан вошёл в расщелину с охапкой сухого кустарника и замер на входе. Его взгляд метнулся от Леры — раскрасневшейся, со следами слёз на щеках — к Рейвену, сидящему слишком близко. Слишком расслабленно. Слишком интимно.

— Что здесь происходит? — его голос прозвучал как лязг стали.

— Ничего, — ответил Рейвен, лениво растягивая слова. — Просто разговаривали.

— Ты сидел слишком близко.

— О, прости, я не знал, что ты контролируешь дистанцию между мной и твоей пленницей, — Рейвен поднялся одним плавным движением и стряхнул песок с дублета. — Может, мне ещё отчитываться перед тобой за каждый вздох?

Кайан бросил дрова на землю. Звук удара эхом разнёсся по пещере.

— Ты отчитываешься передо мной за каждое движение, — произнёс он, и его рука легла на рукоять «Песни Тишины». — Ты — предатель по природе. И если ты хоть пальцем тронул пленницу...

— То что? — перебил его Рейвен, делая шаг вперёд. — Убьёшь меня? Давай. Сделай это. Только помни, что без меня вы оба сдохнете на этом острове, потому что Пожиратель уже идёт по вашему следу. — Он скрестил руки на груди и улыбнулся. — Ну же, Железное Сердце. Чего ты ждёшь? Или ты до сих пор не можешь меня ударить? После той ночи? Помнишь, как ты обещал мне... что ты там обещал?

— Заткнись, — прорычал Кайан, и его щека дёрнулась.

— Ах да, — Рейвен приложил палец к губам в театральной задумчивости. — «Я не позволю чувствам взять верх». А потом ты...

Кайан рванулся вперёд.

Лира вскочила на ноги и встала между ними — связанные руки упёрлись Кайану в грудь, а спина почти касалась Рейвена. Она была зажата между двумя разъярёнными мужчинами, как между молотом и наковальней, и чувствовала, как воздух гудит от тестостерона и старых обид.

— Довольно, — сказала она голосом, в котором звенел металл не хуже, чем в мече Кайана. — Вы закончили? Или мне подождать, пока вы перережете друг другу глотки, а потом предложить Пожирателю горячий ужин из ваших трупов?

Оба замерли.

— Он первый начал, — буркнул Рейвен, как ребёнок.

— Плевать, — отрезала Лира. — Ты, — она ткнула связанными руками в Кайана, — прекрати вестись на его провокации. Ты старше, умнее и, по идее, дисциплинированнее. Веди себя соответственно. А ты, — она обернулась к Рейвену, — прекрати его дразнить. Это не смешно. Это опасно. Мы на острове, где за нами охотится чудовище. Если вы двое не можете сдержаться, то хотя бы подождите, пока мы доберёмся до убежища. Там можете душить друг друга сколько влезет.

В пещере повисла тишина. Потом Рейвен тихо заплодировал.

— Браво. Она у тебя кто — пленница или генерал?

— Иди к демонам, — буркнул Кайан, но руку с меча убрал. Он подошёл к куче дров, подбросил несколько веток в костёр и опустил на песок, не глядя ни на кого.

— Вот и договорились, — Лира выдохнула и снова опустилась на своё место у стены.

Рейвен, проходя мимо Кайана, наклонился и прошептал — достаточно громко, чтобы Лира услышала:

— Кстати, ты не говорил, что её хотят сжечь. Я думал, это просто метафора. А она реально должна дойти до костра? Какая ирония — Пеплорождённую хотят сжечь. Тебе не кажется, что это перебор?

Кайан поднял голову и посмотрел на него тяжёлым взглядом.

— Она должна дойти до костра, — сказал он, тщательно выговаривая каждое слово. — Живая. И я прослежу, чтобы так и было. А твоё дело — провести нас к убежищу. Всё. Никаких лишних разговоров, никаких прикосновений, никаких «случайных» ночных бесед. Пленница — моя забота. Держись от неё на расстоянии.

— На расстоянии? — Рейвен картинно приложил руку к груди. — Ты меня ранишь. Прямо в сердце. Я думал, мы друзья.

— Мы не друзья, — отрезал Кайан.

— Конечно, — улыбнулся Рейвен и опустился на песок с другой стороны костра. — Мы гораздо больше, чем друзья.

Кайан не ответил. Только челюсть сжалась так, что зубы, наверное, закрипели.

Ночь накрыла остров тишиной — той особенной, глубокой, когда даже море, кажется, задерживает дыхание. Лира лежала на песке, подложив под голову согнутую руку, и не могла уснуть. Глаза закрывались от усталости, но каждый раз, когда сон почти затягивал её в свои сети, что-то внутри вздрагивало и выдёргивало обратно.

Боль. Тонкая, пульсирующая, глубокая — не в ладонях, не в израненных ступнях, а где-то в груди, прямо под грудиной. Сначала она подумала, что это голод. Или переутомление. Или последствия магии крови. Но боль не была физической — она была странной, чужой, словно кто-то дёргал за невидимую струну, протянутую от её сердца к чему-то снаружи.

Она прижала связанные руки к груди и задышала глубже.

— Не спится? — раздался тихий шёпот.

Рейвен лежал неподалёку, закутанный в свой плащ, но его жёлтые глаза горели в темноте, как два фонаря.

— Не спится, — призналась она.

— Боль?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Я чувствую твою Узу, — сказал он так же тихо. — Она вибрирует. Как натянутая струна. Ты чувствуешь её связь с Кайаном, верно?

Лира замерла. Уза. Та самая связь, что зародилась между ней и Кайаном в трюме, на берегу, в пещере — через прикосновения, через кровь, через смешавшиеся магии. Она знала о таком. Знала, что сильные эмоции и магический контакт могут создать невидимую нить между двумя существами. Но она думала, что это — миф. Или что она сама это выдумала.

— Это Уза? — прошептала она.

— Да. Молодая, ещё неокрепшая. Но растёт. — Рейвен перевернулся на бок, лицом к ней. — Ты можешь её использовать. Уза даёт силу. Связь между людьми — это мощнейший источник магии, если знать, как его пить.

— Я не хочу её использовать.

— А придётся, — он помолчал. — Или она использует тебя. Уза опасна. Если её не контролировать, она начинает контролировать. Ты будешь чувствовать его боль. Его страх. Его... желания.

Лира закрыла глаза. Она уже чувствовала. Его ярость — сегодня, когда он увидел её с Рейвеном. Его напряжение — тяжёлое, раскалённое, как угли под слоем пепла.

— Кайан знает? — спросила она.

— Он не дурак. Он чувствует то же, что и ты. Но он будет отрицать до последнего. Железное Сердце скорее умрёт, чем признает, что связан с ведьмой.

Она повернула голову и посмотрела в другой конец пещеры. Кайан лежал на спине, положив меч рядом с собой, и, казалось, спал. Но его поза была слишком напряжённой — плечи не расслаблены, пальцы чуть согнуты, как будто он в любой момент готов был вскочить. И она знала — он не спит. Он слушает. Он чувствует ту же боль в груди и ненавидит её так же сильно, как ненавидит её саму.

— Я должна скрыть это от него, — прошептала она. — Если он узнает, что Уза растёт, он может решить, что безопаснее убить меня сейчас.

— Может, — согласился Рейвен. — А может, нет. Спи, Лира. Завтра тяжёлый день.

Она закрыла глаза, и на этот раз сон всё-таки пришёл — тревожный, рванный, полный сновидений о чёрной воде и щупальцах, тянущихся из бездны.

На рассвете Рейвен поднял их без церемоний.

— Вставайте, голубки. Нам нужно успеть до того, как туман рассеется. После этого Пожиратель сможет видеть нас с моря.

Они быстро собрались. Кайан залил костёр остатками воды, закинул мешок на плечо и первым вышел из расщелины. Лира шла следом, морщась от боли в ступнях, но теперь — странное дело — она чувствовала себя немного сильнее. Словно Пустота внутри неё напилась за ночь и теперь пульсировала ровнее, глубже.

Рейвен вёл их вверх по скалистой тропе, извивающейся между отвесными стенами. Подъём был крутым, и Лира несколько раз поскальзывалась, но Кайан каждый раз ловил её за локоть — молча, без комментариев, одним отточенным движением. И каждый раз, когда его рука касалась её, боль в груди отзывалась то ли слабее, то ли, наоборот, острее — она уже не понимала.

А потом они наткнулись на следы.

Огромные, чудовищные отпечатки, прожжённые в камне, словно кто-то прошёл здесь, оставляя за собой расплавленную породу. Они тянулись от берега вверх по тропе и исчезали где-то впереди, за поворотом. От них пахло серой и той самой сладковатой гнилью, которую Лира уже чувствовала раньше.

Рейвен остановился и мрачно присвистнул.

— Ну, вот и ответ, — сказал он.

— Какой ответ? — спросила Лира, хотя уже догадывалась.

— Он не охотится за нами, — Рейвен поднял голову и посмотрел в ту сторону, куда уходили следы. — Он ждёт нас.

И словно в ответ на его слова из-под земли раздался низкий, вибрирующий звук. Он шёл не снаружи — он шёл из-под скалы, из-под их ног, из самой глубины острова. Земля задрожала, и мелкие камешки покатались по склону. Чайки, кружившие над уступами, разом замолкли и рванули прочь, к морю.

— Он внутри, — выдохнул Кайан, обнажая меч. — Он уже внутри острова.

Лира замерла. Её сердце колотилось так громко, что заглушало мысли. А потом она посмотрела на свои связанные руки — и на метку за ухом Рейвена — и поняла.

— Я могу перенести нас, — сказала она быстро. — Я знаю заклинание переноса. Если вы развяжете меня, я смогу открыть портал прямо в «Дом Сплетённых Теней». Я знаю, как он пахнет — дымом и корицей. Этого достаточно для привязки. Развяжите меня.

Кайан резко обернулся, и его лицо исказилось.

— Нет.

— Кайан, послушай...

— Нет! — рявкнул он, а затем в одно мгновение оказался рядом и зажал ей рот ладонью — грубо, сильно, так что она дёрнулась от неожиданности.

— Тихо, — прошептал он ей на ухо, и его дыхание было горячим, а рука — стальной. — Ни слова. Ты не будешь колдовать. Ты не будешь открывать портал. Ты не будешь использовать магию. Поняла?

Она замычала сквозь его ладонь, пытаясь отстраниться, но он держал крепко. Рейвен, стоявший чуть поодаль, прищурился и медленно опустил руку на рукоять собственного ножа.

— Отпусти её, Кайан, — сказал он негромко, и в его голосе впервые не было ни насмешки, ни игривости. Только холод.

— Она использует магию — Пожиратель почувствует, — процедил Кайан, не оборачиваясь. — Если она откроет портал, он прыгнет в него следом. Ты этого хочешь? Привести чудовище прямо в убежище?

— Я хочу, чтобы ты убрал руку с её лица, — Рейвен сделал шаг вперёд.

Звук из-под земли повторился — громче, ближе. Теперь он был похож на утробное рычание, смешанное с чем-то похожим на... голос? Слова? Древний, неразборчивый шёпот, проникающий прямо в кости.

— Он говорит, — прошептала Лира, когда Кайан убрал руку. Её губы дрожали. — Он говорит на языке, которого нет. Он зовёт меня.

— Он зовёт Пустоту, — поправил Кайан мрачно. — А ты — её носитель. Поэтому ты останешься связанной. Поэтому ты пойдёшь пешком. И поэтому ты не будешь колдовать, даже если ради этого мне придётся держать тебя за горло до самого убежища.

Лира смотрела на него, и внутри неё боролись страх, гнев и что-то третье — то, что пульсировало в Узе, то, что чувствовало его страх под маской ярости. Он боялся. Не её — за неё. Или, может быть, за то, что она может сделать с собой.

— Тогда веди, — сказала она тихо. — Потому что ещё немного — и он поднимется.

Кайан кивнул, убрал меч в ножны, но оставил его незастёгнутым, и первым двинулся по тропе в обход следов. Рейвен, проходя мимо Лире, едва заметно коснулся её плеча — того, другого, что был дальше от Кайана, — и прошептал:

— Верь мне. Нужный момент ближе, чем ты думаешь.

И они пошли. Над островом сгустился туман. Под ногами дрожала земля. А в глубине, под скалами, древнее чудовище открыло глаза и начало подниматься.

Рассвет застал их на краю скалистого обрыва.

Внизу, насколько хватало глаз, простиралось море — серое, беспокойное, исчерченное белыми прожилками пены. Волны бились о камни с ритмичным, утробным гулом, и в этом гуле Лире слышалось дыхание — глубокое, размеренное, чужое. Обрыв был высоким, отвесным, и ветер здесь дул с такой силой, что приходилось пригибаться, чтобы не потерять равновесие.

Рейвен остановился у самого края и замер, вглядываясь в каменистую осыпь под ногами.

— Подождите, — бросил он через плечо. — Тут что-то не так. Следы... они путаются.

Кайан нахмурился и шагнул ближе, вглядываясь в землю. Лира тоже опустила взгляд, пытаясь разобрать то, что видел оборотень. Каменная крошка, мелкие трещины, пучки сухой травы — ничего необычного.

А затем воздух пронзила серебряная вспышка.

Рейвен взмахнул рукой — движение было плавным, почти танцующим, но от его пальцев отделился сгусток серебристого света и взмыл в небо, рассыпаясь на тысячи мерцающих искр. Запахло озоном. Корицей. Магией.

— Ой, — произнёс Рейвен с таким выражением, будто только что нечаянно разбил чашку.

Лира согнулась пополам от боли. Уза в её груди взорвалась ослепительной агонией — словно невидимая нить, протянутая от сердца к сердцу, дёрнулась и зазвенела на пределе натяжения. Она закричала, схватившись за грудь связанными руками, и перед глазами поплыли чёрные круги.

Кайану тоже досталось — он зарычал, сжав виски ладонями. Его антимagia, разбуженная чужеродным заклинанием, отозвалась острой вспышкой в висках, словно кто-то вонзил в голову раскалённую иглу. Он пошатнулся, но устоял — а в следующую секунду уже стоял вплотную к Рейвену, приставив нож к его горлу. Тот самый нож, которым он вчера перерезал верёвки на лодыжках Лире.

— Ты что творишь? — прорычал он, и в его голосе klokотала ярость. — Ты применил магию! Ты привлёк его!

Рейвен захлопал ресницами с видом оскорблённой невинности.

— Ой, случайно. Просто проверял местность. Ты же знаешь, магия следопытов иногда сбивает. Особенно когда рядом такое количество... — он покосился на Лире, всё ещё согнутую пополам, — ...подавленной силы.

— Случайно? — Кайан надавил лезвием, и на шее Рейвена выступила капелька крови. — Ты лжёшь. Ты всегда лжёшь.

— Не всегда, — прошептал Рейвен, и его жёлтые глаза встретились со стальными глазами Кайана. — Иногда я говорю правду. Но ты мне не веришь. Вот в чём трагедия.

Лира выпрямилась, тяжело дыша. Боль в груди утихала, но отголоски Узы всё ещё пульсировали где-то под рёбрами, и она знала — теперь каждая тварь в радиусе мили почувствовала этот всплеск. Пожиратель — тем более.

И, словно в ответ на её мысли, земля задрожала.

Из расщелины за спиной Рейвена — той самой, которую он якобы проверял, — с рёвом вырвалось чудовище. Оно не было похоже на то, что атаковало «Серебряную Каравеллу»: то было нечто водное, склизкое, с щупальцами, пахнущими гнилью. Это же — сухопутное, более плотное, с телом, сотканным из теней и затвердевшей магмы. Огромная пасть, усеянная зубами, распахнулась, исторгая облако чёрного дыма. Щупальца — их было четыре, каждое толщиной с корабельную мачту — взметнулись в воздух и обрушились на тропу, разбивая камень в крошку.

Рейвен отскочил в сторону с грацией танцора — и Кайан, не теряя ни секунды, схватил его за шиворот одной рукой и швырнул к ногам Лире. Оборотень покатился по камням, но приземлился на корточки, ухмыляясь.

— Не смейте уходить! — рявкнул Кайан, и его голос перекрыл рёв чудовища. — Стойте здесь!

Он обнажил второй меч.

Лира знала, что у него два клинка — «Песнь Тишины» на поясе и более короткий, широкий меч за спиной, который он до сих пор не использовал. Теперь она увидела оба. В правой руке Кайана пела «Песнь» — длинное, узкое лезвие, источающее серебристое сияние антимагии. В левой — тяжёлый клинок с тёмным, почти чёрным металлом, по краю которого бежали руны. Он держал их с привычной лёгкостью, как будто они были продолжением его рук.

Чудовище бросилось первым.

Щупальце ударило сверху — Кайан ушёл в сторону перекатом, и каменная крошка брызнула во все стороны. Второе щупальце метнулось горизонтально, пытаясь смести его с обрыва, но он подпрыгнул, пропуская его под собой, и в воздухе перехватил «Песнь» обратным хватом. Лезвие сверкнуло — и кончик щупальца отделился от туши, разбрызгивая чёрную, дымящуюся кровь. Тварь взревела от боли.

— Стоять! — крикнул Кайан, не оборачиваясь, и Лира поняла, что это адресовано ей.

Рейвен, вместо того чтобы броситься на помощь, создал над собой и Лирой мерцающий купол. Прозрачный, сотканный из серебристых нитей, он накрыл их, как стеклянный колпак, отрезая звуки боя и защищая от каменных осколков. Оборотень опустился на колено рядом с Лирой и, скрестив руки на груди, принялся наблюдать за схваткой с выражением ценителя искусства.

— Посмотри на него, — промурлыкал он, кивая в сторону Кайана. — Он всё такой же красивый. Эти движения... эта ярость... — Рейвен вздохнул почти мечтательно. — Интересно, насколько он силен в постели сейчас? Тогда, в Лунной Гавани, он был... ну, скажем так, я едва мог ходить на следующее утро.

— Заткнись, — выдохнула Лира, не отрывая взгляда от боя.

Кайан двигался как демон. Два клинка работали в унисон — «Песнь Тишины» гасила магию твари, едва та пыталась выбросить заклинание, а второй меч, с рунами, рубил плоть с грубой, безжалостной эффективностью. Он уклонялся, нырял под щупальца, перекатывался через плечо и снова поднимался, нанося удары. Один выпад — и ещё один кусок щупальца летит в пропасть. Второй — и тварь отступает, воя от боли. Антимагия работала, как щит,

— каждое прикосновение клинка гасило тёмную энергию монстра, заставляя его дёргаться и отступать.

Но тварь была сильна.

Одно из щупалец прорвало защиту Кайана и ударило его в плечо — не плашмя, а острым концом, похожим на копьё. Он пошатнулся, но не упал. Кровь — алая, горячая — потекла по рукаву, капая на камни. Лира увидела, как его лицо исказилось от боли, но он не закричал — только стиснул зубы и продолжил рубить, как будто ничего не случилось.

— Он ранен, — прошептала Лира, и внутри неё что-то дёрнулось — не страх, не злорадование, а что-то совсем иное, чему она не хотела давать названия.

— Он всегда ранен, — пожал плечами Рейвен. — Это его естественное состояние. Железное Сердце не умеет жить без боли. Он её ищет. Он её любит.

— Прекрати, — резко оборвала его Лира. — Развяжи меня. Мы можем сбежать. Пока он отвлекает тварь. У нас есть шанс.

Рейвен медленно повернул голову и посмотрел на неё. Его жёлтые глаза блеснули опасным, лукавым огнём.

— А как же твоя Уза, Лира? — спросил он тихо. — Бросишь его?

Она стиснула зубы. Уза в груди пульсировала — то ли отзываясь на боль Кайана, то ли предупреждая о чём-то. Она ненавидела эту связь. Ненавидела то, что чувствовала его боль. Ненавидела то, что не могла просто развернуться и уйти.

— Я натерпелась от него достаточно, — произнесла она, и голос прозвучал жёстко. — Он вёз меня на смерть. Он бил меня. Он связал меня. Я хочу выжить. И если для этого нужно бросить его здесь — я брошу.

— Правда? — Рейвен улыбнулся, но улыбка была странной — не насмешливой, а скорее оценивающей. — Тогда давай сыграем в игру.

Он схватил Лиру под мышки и рванул вперёд, выходя из-под купола. Кайан, удерживающий тварь на краю обрыва, краем глаза заметил движение и закричал:

— Стой!

Но Рейвен уже проскочил мимо него, увлекая Лиру за собой. Он двигался с нечеловеческой скоростью — оборотень в своей стихии, — и его ноги едва касались камней. Кайан попытался преградить ему путь, но щупальце твари ударило между ними, и ему пришлось отскочить.

— СТОЙ! — его крик был полон ярости и чего-то ещё — отчаяния? страха? — но Рейвен даже не обернулся.

Они оказались на самом краю обрыва. Внизу, в расщелине, куда уходили следы Пожирателя, клубился чёрный туман. Из этого тумана поднималась вторая голова твари — точнее, та же самая, но её отражение, её продолжение, её истинная форма. Огромная пасть распахнулась, и Лира увидела в ней бездну — не плотку, не желудок, а саму Пустоту, которая была так похожа на её собственную.

— Рейвен, что ты делаешь?! — закричала она.

— Играю, — ответил он.

И бросил её вниз.

Но в тот самый миг, когда её тело начало падать, его пальцы сомкнулись на верёвках, стягивающих её запястья, и одним резким движением разорвали их. Верёвки остались в его руках, а Лира — свободная, с раскрытыми ладонями, на которых ещё розовели шрамы, — полетела в пасть чудовища.

Кайан, увидев это, издал такой крик, что скалы дрогнули.

— ТЫ ЧТО НАТВОРИЛ?!

Он рванул к обрыву, забыв о твари, забыв о ране в плече, забыв обо всём, кроме летящей в бездну фигуры с пепельными волосами. Но Рейвен преградил ему путь, выставив ладонь.

— Спокойно, Железное Сердце, — произнёс он, и в его голосе звенело предвкушение.
— Смотри.

Он поднял руку и начал считать, загибая пальцы:

— Раз...

Пасть сомкнулась вокруг Лиры. Чёрный туман поглотил её целиком.

— Два...

Кайан замер на краю обрыва, и его лицо было белее мела.

— Три...

И мир взорвался.

Из пасти чудовища — из самой сердцевины смыкающейся тьмы — ударил столб света. Нет, не света — Пустоты. Той самой, что жила внутри Лиры. Чёрное пламя, которое было темнее самой ночи, вырвалось наружу, разрывая плоть монстра изнутри. Тварь закричала — на этот раз не от ярости, а от агонии, — и её тело начало распадаться, осыпаясь пеплом и чёрными хлопьями, как сгоревшая бумага.

Кайан отшатнулся, закрывая лицо от жара.

А из чёрного пламени, из самой бездны, поднялась фигура. Босая, в изодранном платье, с разметавшимися пепельными волосами, с руками, от которых расходились волны Пустоты. Лира парила над пропастью, и её глаза горели не серым — чёрным. Глубоким, бездонным чёрным, в котором не было ни зрачков, ни белков. Только сила. Только свобода.

Рейвен смотрел на это и улыбался — широко, почти счастливо.

— Я же говорил, — прошептал он, ни к кому не обращаясь. — Она легенда.

Кайан стоял на краю обрыва, прижимая раненое плечо, и смотрел на парящую ведьму с выражением, которое не поддавалось описанию. Ужас. Восхищение. Ярость. И что-то ещё, глубоко запрятанное, чему он не позволял выйти наружу.

— Ты... — выдохнул он. — Ты знал. Ты с самого начала знал, что она выживет.

— Знал, — легко согласился Рейвен. — Но ты должен был увидеть. Должен был испугаться за неё. Должен был почувствовать то, что чувствуешь сейчас. Потому что иначе ты никогда бы не признал то, что между вами.

Кайан хотел ответить — резко, грубо, как всегда, — но слова застряли в горле. Потому что в этот момент Лира повернулась к нему, и в её чёрных глазах он увидел не ненависть, не месть, не торжество. Он увидел вопрос.

«Ты боялся за меня?»

И он не знал, что ответить. Даже самому себе.

Внутри чудовища не было ни тепла, ни холода, ни верха, ни низа. Только Пустота — та самая, что жила в Лире с того дня, как Зара наложила на неё Проклятие Пепла. Только здесь, в чреве твари, Пустота была не подавленной, не скованной, не ослабленной. Она была свободной. И она узнала свою хозяйку.

Лира падала сквозь тьму, раскинув руки, и связанные запястья наконец-то были свободны. Рейвен разорвал верёвки в тот самый миг, когда швырнул её в пасть, и теперь её ладони — израненные, покрытые шрамами — раскрылись, как два цветка. Пустота хлынула в них, заполняя каждую клетку, каждый нерв, каждый уголок измученного тела.

Она закричала — но крик был беззвучным, поглощённым чревом монстра. Она позвала — и Пустота ответила.

Пять лет подавления. Пять лет голода. Пять лет страха и боли — всё это спрессовалось в одну-единственную точку, в одно-единственное мгновение, и теперь рвалось наружу, как река, прорвавшая плотину. Магия крови, всё ещё пульсирующая в ладонях. Ярость — на Кайана, на Зару, на весь мир. Боль — старая, застарелая, ноющая боль от того, что она не могла прикоснуться ни к кому живому, не причинив страданий.

Она вложила всё это в один импульс.

Чёрное пламя пошло из её ладоней — но это не было пламя в обычном смысле. Оно не горело, оно уничтожало. Оно не освещало, оно поглощало свет. Пустота потекла из неё волнами, заполняя чрево монстра, разрывая его изнутри, как перезревший плод.

Снаружи это выглядело как взрыв.

Чудовище разорвалось на части. Ошмётки чёрной плоти, куски щупалец, сгустки дымящейся слизи полетели во все стороны, заливая скалы, срываясь в пропасть, шлёпаясь на камни с тошнотворным чавканьем. В воздухе запахло гнилью, серой и чем-то сладковатым — так пахнет мёртвая магия, когда она окончательно разлагается.

Лира вывалилась из этого месива, как новорождённый зверь — покрытая слизью, в клочьях собственного платья, тяжело дыша. Она ударилась коленями о камень, но удержалась, упёрлась ладонями в землю и закашлялась, выплёвывая чёрную жижу. Пепельные волосы прилипли к лицу. Глаза всё ещё горели чёрным, но уже начинали возвращаться к своему обычному серому цвету, как небо после грозы.

Живая.

Она была живая.

Кайан стоял на краю обрыва и не двигался. Два меча всё ещё были в его руках — «Песнь Тишины» в правой, тёмный клинок с рунами в левой. Кровь из раненого плеча капала на камни, смешиваясь с чёрной слизью монстра, но он, казалось, не замечал этого. Его стальные глаза были прикованы к Лире, и в них — впервые за всё время — не было ни ярости, ни ненависти. Только потрясение. Чистое, обнажённое потрясение, смешанное с чем-то, чему он сам не мог найти названия.

Он видел, как ведьм сжигали на кострах. Он видел, как они кричали, молили о пощаде, проклинали. Он сам убивал их — десятками, может, сотнями. Но он никогда не видел, чтобы кто-то — человек, ведьма, демон — вырвался из чрева Пожирателя и уничтожил его изнутри.

Рейвен, стоявший чуть поодаль, медленно, размеренно заплодировал.

— Отлично сработано, Пеплорождённая, — произнёс он, и в его голосе звучало неподдельное восхищение. — Ты сильнее, чем я думал. А я, поверь, редко ошибаюсь в таких вещах.

Лира поднялась на ноги — медленно, преодолевая дрожь во всём теле. Слизь стекала по её подбородку, капала с пальцев. Она сделала шаг к Рейвену. Потом ещё один. И ещё. А затем — одним стремительным движением, в котором не осталось и следа от её недавней слабости, — схватила его за ворот дублета и встряхнула с такой силой, что голова оборотня дёрнулась назад.

— Что это была за игра?! — её голос сорвался на крик, и в нём смешались ярость, страх и всё то напряжение, что копилось последние часы. — Ты бросил меня в пасть! Ты швырнул меня, как кусок мяса! Я могла умереть!

Она снова встряхнула его, и Рейвен, не сопротивляясь, позволил ей это сделать. Его лицо сохраняло спокойное, почти довольное выражение, но жёлтые глаза смотрели внимательно, изучающе.

— Могла, — согласился он. — Но не умерла. В этом и был смысл.

— Смысл?! — Лира дёрнула его на себя и снова толкнула, так что он ударился спиной о скалу. — Я в следующий раз с тобой такое сделаю! Я засуну тебя в пасть следующей твари! Я разорву тебя изнутри! Я...

— Тише, тише, — Рейвен поднял руки в примирительном жесте, но его улыбка стала шире. — Я всё понял. Ты злишься. Это нормально. Но послушай меня.

Она замерла, тяжело дыша. Её пальцы всё ещё сжимали его ворот, а костяшки побелели от напряжения. Кайан, стоящий позади, не вмешивался — он просто смотрел, и его мечи медленно опускались.

— Это была проверка, — сказал Рейвен, глядя ей прямо в глаза. — Мне нужно было убедиться, что ты способна разорвать Узлу по своей воле. Что ты не просто носитель Пустоты,

а её хозяйка. Что ты можешь использовать её, когда это действительно нужно. Ты справилась. Великолепно справилась. Теперь мы можем идти к Серафине — и у нас есть козырь.

— Козырь? — переспросила Лира, не ослабляя хватки.

— Ты, — просто ответил он. — Твоя сила. То, что ты сейчас сделала — это не просто фокус. Это оружие. И когда мы доберёмся до «Дома Сплетённых Теней», Серафина будет готова предложить тебе сделку, от которой ты не сможешь отказаться. А с учётом того, что Пожиратель всё ещё идёт за тобой, союзники тебе понадобятся.

Кайан медленно опустил мечи. Оба. Он сунул «Песнь Тишины» в ножны, а второй клинок убрал за спину. Его лицо всё ещё было бледным, а плечо кровоточило, но он стоял прямо и смотрел на Лиру с тем самым новым выражением — смесью гнева, уважения и чего-то третьего, что пульсировало в Узе между ними, как невидимая нить.

— Ты свободна, — произнёс он, и голос прозвучал глухо, словно каждое слово давалось ему с трудом. — Ты больше не пленница. После того, что ты сделала... — он запнулся. — Ты сама решаешь, идти ли с нами.

— Свободна? — Лира повернулась к нему, отпуская Рейвена. — Вот так просто?

— Только до тех пор, пока мы не покинем этот остров, — добавил он, и его голос снова стал жёстким. — После этого ты снова моя. Я дал клятву доставить тебя на суд, и я её выполню.

Рейвен расхохотался — звонко, переливчато, запрокинув голову.

— Ох, как романтично! — протянул он, вытирая воображаемую слезу. — «Ты снова моя». Вы только послушайте его. Кайан, ты хоть раз в жизни говорил что-то настолько милое кому-то, кроме своего меча?

— Заткнись, — бросил Кайан, но без особой злобы.

Лира перевела дыхание и отряхнула с платья остатки слизи. Её руки всё ещё дрожали — то ли от перенапряжения, то ли от ярости. Она оглядела разорванного монстра, чёрные ошмётки, заляпавшие скалы, пропасть внизу и двух мужчин, стоящих перед ней.

— Я не собираюсь с вами идти, — сказала она наконец, и её голос прозвучал твёрдо. — Мои руки свободны. Мне незачем оставаться. Я готова бросить вас здесь — обоих. Вы мне никто.

Она развернулась и сделала шаг.

— Нет, — раздался голос Рейвена.

В его тоне не было угрозы — скорее, сожаление. Лира обернулась через плечо и увидела, как он поднял правую руку и медленно, почти лениво покрутил пальцем в воздухе. На его указательном пальце вспыхнуло то самое серебряное кольцо с тёмным камнем, которое она заметила ещё при заключении сделки.

— Наша сделка, Лира, — произнёс он, и его голос стал ниже, серьезнее. — Я провожу тебя к убежищу. Ты не используешь против меня Пустоту. Условия не сняты. И пока метка цела, — он коснулся свободной рукой места за своим ухом, где темнело миниатюрное пламя, — ты не можешь просто уйти. Договор есть договор.

В тот же миг её запястья обожгло холодом.

Лира ахнула и опустила взгляд. На её руках — на тех самых местах, где раньше были золотые браслеты Инквизиции, а потом верёвки Кайана, — материализовались два серебряных браслета. Тонких, изящных, словно выточенных из лунного света. Они мерцали и пульсировали в такт метке за её ухом, и внутри них переливалась та же магия, что связывала её с Рейвеном.

Она попыталась призвать Пустоту — и не смогла. Не совсем. Сила была здесь, рядом, она чувствовала её биение, но браслеты гасили её, как мокрая ткань гасит искру. Не так грубо, как «Песнь Тишины», но достаточно, чтобы она не могла колдовать на полную мощь.

Ноги подкосились. Лира упала на колени — не от боли, а от внезапной слабости. Она упёрлась ладонями в камень и задышала тяжело, пытаясь справиться с головокружением.

Рейвен подошёл к ней. Опустился на одно колено, взял её за подбородок и приподнял её голову так, чтобы их глаза встретились.

— А теперь мы идём, — сказал он тихо, и в его голосе не было ни торжества, ни злобства — только мягкая, почти извиняющаяся настойчивость. — Прости, Лира. Я правда не хотел этого делать. Но у меня нет выбора. У нас обоих его нет.

Он наклонился, приблизил лицо к её лицу — и легонько, почти невесомо, чмокнул её в щёку. Жест был настолько тёплым, настолько неуместно нежным после всего, что произошло, что Лира замерла, не в силах ответить. От его губ пахло корицей. От его пальцев на её подбородке — теплом.

— Ты ненавидишь меня сейчас? — спросил он шёпотом, так, чтобы Кайан не услышал.

— Да, — выдохнула она.

— Это нормально, — он улыбнулся и отпустил её. — Я тоже себя иногда ненавижу. Но я обещаю: когда мы доберёмся до Серафины, я сниму браслеты. И, может быть, тогда ты поймёшь, почему я это делаю. А пока — идём.

Он поднялся и протянул ей руку. Лира посмотрела на его ладонь, на серебряные браслеты на своих запястьях, на чёрные ошметки монстра, усеивающие скалы, — и поняла, что выбора действительно нет.

Она взяла его руку и поднялась.

Кайан стоял в стороне, скрестив руки на груди, и на его лице читалась сложная гамма эмоций. Он не бросился её защищать, не ударил Рейвена — он просто смотрел, как она поднимается, и в его стальных глазах тлел тот самый новый огонь.

— Идёмте, дети мои, — Рейвен широким жестом указал на тропу, уходящую вверх по склону. — Нас ждёт «Дом Сплетённых Теней». Там вы сможете выяснить, кто кого. А заодно принять горячую ванну и выпить что-нибудь покрепче морской воды. Идёмте.

Он первым двинулся в путь, насвистывая какую-то лёгкую мелодию, словно ничего не случилось. Кайан, проходя мимо Лире, на мгновение задержался.

— Эти браслеты — не моя идея, — сказал он тихо. — Но я не могу их снять. Даже «Песнь» не берёт магию договора.

— Я знаю, — ответила Лира, не глядя на него. — Ты бы предпочёл верёвки.

— Я бы предпочёл... — он осёкся, так и не закончив фразу.

А потом развернулся и пошёл следом за Рейвеном.

Лира постояла ещё мгновение, глядя на ошметки мёртвого чудовища. Она только что уничтожила монстра изнутри. Она была сильна. Она была свободна — почти. Но два серебряных браслета на запястьях напоминали, что свобода — это не только отсутствие оков. Это ещё и умение выбирать, с кем идти дальше.

Она вздохнула и двинулась следом.

Впереди, за скалистым перевалом, их ждал «Дом Сплетённых Теней». И Серафина. И ответы на вопросы, которые Лира ещё не успела задать.

А позади, в глубине острова, древнее чудовище открыло глаза и начало подниматься.

Глава 5. Серебряная и Бархатная

«Иногда самый опасный враг — не тот, кто держит меч, а тот, кто знает, как ткётся твоя судьба».

«Дом Сплетённых Теней» утопал в полумраке и ароматах.

Будуар Серафины располагался в самой глубине убежища, вдали от общих залов, где отдыхали контрабандисты и беглые маги. Это было круглое помещение, высеченное прямо в скале, но задрапированное так искусно, что камень казался живым — он дышал, обтянутый бордовым шёлком и тяжёлым бархатом цвета запёкшейся крови. Свет давали не лампы и не факелы, а десятки свечей, расставленных на кованых подставках и плавающих в стеклянных

чашах. Их пламя колебалось в такт чьему-то невидимому дыханию, отбрасывая на стены танцующие тени.

Пахло ладаном — горьковатым, дымным, — и жасмином, сладким до приторности. Где-то в глубине, за занавесями, тихо играла музыка: струнный инструмент, похожий на лютню, перебирал минорную мелодию, которую, казалось, никто не слышал, кроме самой хозяйки.

Серафина полулежала на широком диване, обитом бархатом цвета ночного неба. Её тело — длинное, гибкое, с плавными изгибами, какие бывают только у тех, в ком течёт кровь суккубов, — было облачено в струящееся платье из серебристого шёлка. Ткань обнимала бёдра и грудь, но оставляла открытыми плечи и шею, на которой покоилось ожерелье из лунного камня. Камень пульсировал в такт её сердцебиению. Волосы — чёрные, с синим отливом — были собраны на затылке в низкий узел, из которого выбивались несколько прядей, обрамляя лицо с острыми скулами и полными, тёмно-вишнёвыми губами.

Она держала в руке бокал с тёмным вином и лениво вращала его, наблюдая за тем, как рубиновая жидкость оставляет маслянистые разводы на стекле.

Гостья появилась без стука.

Тени в углу будуара сгустились, потекли, словно чёрная патока, и из этого сгустка выступила Зара Серебряная Пряха — Архимаг Судьбы, старшая надзирательница тайной канцелярии и, по совместительству, самая опасная женщина, которую Серафина имела удовольствие ненавидеть.

Она материализовалась беззвучно, не потревожив ни одной ловушки — а их в будуаре было не меньше дюжины. Нити сигнальных заклинаний даже не дрогнули. Защитные руны на косяках не вспыхнули. Зара просто вошла — или, точнее, вышла из тени, — как будто имела полное право здесь находиться.

Высокая, стройная, с осанкой королевы, она была облачена в длинное платье цвета воронова крыла, расшитое серебряной нитью. Рукава — узкие, до запястий — скрывали руки, унизанные кольцами. Волосы пепельно-белые, гладкие, как стекло, спускались до лопаток. Лицо было безупречным — слишком правильным, слишком симметричным, словно вырезанным из мрамора рукой гениального скульптора. Глаза — холодные, серые, с вертикальными зрачками, какие бывают у змей, — смотрели на Серафину с выражением вежливого презрения.

— А вот и моя любимая марионетчица собственной персоной, — промурлыкала Серафина, не вставая с дивана. Её губы изогнулись в насмешливой улыбке. — Долго же ты шла. Я уже начала думать, что ты забыла дорогу к моему скромному убежищу. Или, может быть, твои нити судьбы запутались?

— Бархатная Паутина, — произнесла Зара, и её голос прозвучал как лёд, крошащийся под ногой, — ты опять прячешь свои истинные намерения за сладкими речами. Сколько лет прошло, а ты всё та же — вино, шёлк и ложь.

— Ложь? — Серафина приподняла бровь и сделала глоток. — Я предпочитаю называть это «искусным преувеличением». Но ты, конечно, не за этим пришла — обсуждать мои манеры. Садись.

Она указала бокалом на кресло напротив — низкое, обитое тёмно-зелёным бархатом, с высокой спинкой, напоминающей трон. Зара не двинулась с места.

— Я не пью то, что может быть пропитано твоей суккубской сущностью, — произнесла она холодно.

— А я и не предлагаю, — Серафина пожала плечами. — Чай на столике. Он совершенно безвреден. Травы с северных склонов, мята, немного Melissa. Никакой магии. Никакого суккубства. Я же знаю, как ты трепетно относишься к тому, что попадает в твой организм. — Она снова усмехнулась. — Ты и к Лире относишься так же трепетно. И посмотри, чем это закончилось.

Имя упало между ними, как вызов.

Зара не вздрогнула, но её зрачки сузились ещё сильнее. Она медленно, плавно опустилась в кресло, положив руки на подлокотники. Движения были текучими, безупречными — так двигаются те, кто провёл столетия, оттачивая контроль над каждым мускулом.

— Ты ведь знаешь, что твоя бывшая ученица утонула вместе с «Каравеллой»? — Серафина начала первой, и её голос звучал почти лениво. — Или ты уже всё просчитала на своих драгоценных нитях?

Зара поправила складку на платье — жест настолько спокойный, что Серафина на мгновение почувствовала укол раздражения.

— Лира не утонула, — произнесла Архимаг холодно. — Она жива. Я чувствую её. Проклятие не разорвано. Уза между нами всё ещё теплится, как перерезанный нерв. — Она подняла глаза, и в них мелькнуло что-то тёмное, голодное. — И она сейчас на Проклятом Архипелаге. Вместе с Кайаном. Тем самым, о котором шепчутся, что он — единственный, кто способен довести её до костра.

Серафина приподняла бровь.

— Железное Сердце? Охотник на магов? Тот самый, который должен был сжечь её в Лунной Гавани?

— Именно.

— О, это забавно, — Серафина сделала ещё глоток вина и задумчиво облизала губы. — Очень, очень забавно. — Она поставила бокал на столик и откинулась на спинку дивана. — Ты знаешь, я когда-то встречала его. Кайана. Лет шесть назад, в Лунной Гавани. Он тогда только получил звание командира. Молодой, мрачный, с этими невозможными глазами, в которых читается приговор. Знаешь, такие мужчины — они хуже всего.

— Хуже всего для кого? — уточнила Зара с лёгким оттенком интереса.

— Для таких, как я, — Серафина усмехнулась, но в усмешке промелькнула тень старого раздражения. — Он пришёл в мой дом, чтобы допросить одного из гостей. Я, разумеется, попыталась его... урезонить. Ты знаешь мой метод — чуть-чуть магии, чуть-чуть шарма, и мужчина превращается в воск в моих руках. — Она покрутила пальцем в воздухе, рисуя невидимый узор. — Но этот — нет. Его антимагия, будь она неладна, гасит любые чары. А его воля... — Серафина покачала головой. — Я никогда не встречала мужчины с такой волей. Он посмотрел на меня, как на грязь под сапогом, и сказал: «Если ты попытаешься меня околдовать ещё раз, я сожгу твой дом дотла». И я ему поверила. Господи, как я ненавижу таких мужчин! — Она засмеялась, но смех был напряжённым. — Потому что, чёрт побери, именно они и заводят меня больше всего. Жёсткие. Несгибаемые. Те, кого нельзя купить, соблазнить или запугать. Увидев его тогда, я бы что угодно отдала, чтобы оставить его в своём будуаре на ночь. Или на две. Или на неделю. — Она вздохнула с преувеличенной мечтательностью. — Но увы. Железное Сердце остался верен своей Астрее. Или своей ненависти к магии. Что, в сущности, одно и то же.

Зара слушала её с каменным лицом, но уголок её губ дёрнулся.

— Твои плотские увлечения меня не интересуют, Бархатная. Меня интересует Лира.

— Да-да, — Серафина махнула рукой. — Ты всегда была одержима своей ученицей. Даже когда делала вид, что это не так.

— Это не одержимость, — отрезала Зара. — Это расчёт.

— Конечно, — Серафина улыбнулась, и её тёмно-вишнёвые губы изогнулись в опасной, знающей улыбке. — Именно поэтому ты наложила на неё Проклятие Пепла. Из чистого расчёта. Не из ревности. Не из страха потерять.

— Ты переходишь границы.

— Я всегда перехожу границы. Это моя профессия.

Они встретились взглядами — две женщины, две стихии, две бездны. Серебряная Пряха и Бархатная Паутина. Одна — холодная, расчётливая, плетущая судьбы как гобелен. Другая

— чувственная, опасная, питающаяся эмоциями, как вином. Воздух между ними звенел от невысказанного.

— Ты, случайно, не подстроила кораблекрушение? — спросила Серафина наконец. — Признайся, Зара. Это было бы в твоём духе. Устроить несчастный случай, чтобы Лира снова оказалась в твоих руках.

Зара бросила на неё взгляд, полный ледяного презрения.

— Если бы я подстроила крушение, Пожиратель не стал бы вмешиваться. Эта тварь слишком древняя даже для меня. Но я знаю, кто её привлёк.

— И кто же?

— Сама Лира. Своей разбуженной магией крови. Ты знаешь, сколько силы в ней спит. Достаточно одной капли, пролитой в море, чтобы Пожиратель учуял её за сотню лиг. Она порезала ладони о клинок Кайана — я видела это на нитях. И с этого момента всё завертелось.

Серафина задумчиво намотала на палец прядь волос.

— Значит, она сама навлекла на себя беду. Иронично.

— Ирония — это то, ради чего живут такие, как мы, — заметила Зара.

Серафина перевела разговор, и её голос стал серьёзнее — настолько, насколько это вообще было для неё возможно.

— Инквизиция уже зажгла свечи. Совет Чистого Света объявил, что казнь состоится в Лунной Гавани, как только Лира будет найдена. — Она взяла бокал, но не отпила — просто держала, глядя на игру света в вине. — Они трубят об этом на всех площадях. «Величайшая ведьма столетия будет предана очистительному огню». Они уверены, что сожгут самую сильную еретичку века и их богиня Астрея возразит. Глупцы.

— Глупцы, — согласилась Зара, и её тонкие губы изогнулись в усмешке, острой, как лезвие. — Они не понимают, что проклятие, которое я на неё наложила, — не просто порча. Это Уза, искажённая в своей основе. Проклятие Пепла вплетено в саму ткань её души. Если они сожгут её тело, Уза не исчезнет — она выплеснется на всех, кто был с ней связан. На меня. На любого, с кем она успела установить контакт. А с учётом того, что она провела две недели на корабле с Железным Сердцем и его командой... — Зара сделала паузу. — Рикошет ударит по всему ордену.

Серафина перестала крутить прядь волос. Её глаза сузились.

— Ты хочешь сказать, что церковь, сама того не зная, готовит ритуал, который может уничтожить половину Лунной Гавани?

— Именно.

В будуаре повисла тишина. Даже свечи, казалось, замерли.

— И ты, конечно, хочешь этому помешать? — медленно произнесла Серафина. — Не потому что тебе жаль ведьму.

— Мне не жаль Лиру, — отрезала Зара, и в её голосе на мгновение прорезалось что-то почти живое — обида? горечь? старая, незаживающая рана? — Она сама выбрала свой путь, когда сбежала от меня. Она предпочла пепел и свободу моей защите. Но я не позволю, чтобы моя сила ушла впустую. Я не для того вкладывала в неё годы, чтобы теперь какой-то костёр уничтожил всё, что я создала. Лира принадлежит мне.

— Принадлежит, — повторила Серафина, и в её голосе прозвучала странная нота — то ли сочувствие, то ли насмешка. — Как странно. Ты говоришь о ней как о вещи. И в то же время — как о единственном, что у тебя есть.

Зара не ответила. Её серые глаза смотрели на пламя свечи, и в их глубине отражался огонь. Но отражение было холодным.

Серафина поднялась с дивана одним плавным движением и подошла к столику, где стоял чайник.

— Значит, у нас общая цель, — сказала она, наливая себе чаю, а Заре — отдельную чашку, которую та не тронула. — Ты хочешь сохранить свою силу. Я хочу сохранить свой дом. Если Лунная Гавань сгорит, пламя перекинется и на Архипелаг. А я здесь слишком хорошо обустроилась, чтобы терять всё.

— Ты предлагаешь союз? — Зара приподняла бровь.

— Я предлагаю временное перемирие, — поправила Серафина, поднимая чашку в насмешливом тосте. — До тех пор, пока Лира не окажется в безопасности. Или в наших руках. Что наступит раньше.

Зара долго смотрела на неё, а затем — впервые за весь разговор — усмехнулась. Усмешка была тонкой, едва заметной, но она была.

— Твои руки — это сети, Серафина. Но на этот раз я, возможно, позволю тебе сплести их вокруг Леры. При условии, что последняя нить останется за мной.

— Договорились, — Серафина улыбнулась и сделала глоток чая. — А теперь расскажи мне подробнее о том, что замышляет Инквизиция. Потому что, если ты права, у нас осталось не так много времени.

Зара откинулась в кресле и заговорила — тихо, размеренно, словно читая лекцию нерадивому ученику. Но Серафина слушала внимательно — потому что каждая деталь теперь могла означать разницу между победой и костром.

Где-то в глубине острова Пожиратель снова заворочался, пробуждённый отголосками магии. Но в «Доме Сплетённых Теней» было тихо. Пока ещё тихо.

Серафина поднялась с дивана и двинулась через будуар — её босые ступни ступали по мягкому ковру совершенно беззвучно. Она остановилась у небольшого круглого стола в углу, накрытого чёрной бархатной скатертью. На столе были разложены карты Таро — древняя, потёртая колода с выцветшей позолотой, — а рядом, на серебряном подносе, выстроились в круг фигурки из слоновой кости. Миниатюрные люди, звери, тени. Каждая фигурка что-то символизировала, и каждая стояла на своём месте в продуманной, изящной композиции.

Серафина взяла одну из фигурок — Королеву с короной на голове и скипетром в руке, вырезанную так тонко, что видны были даже складки платья, — и пододвинула её через стол к Заре.

— Ты всегда хотела властвовать, — произнесла она, и в её голосе прозвучали бархатные, обволакивающие ноты. — Ты держишь нити. Ты ведёшь игру. Ты — Архимаг Судьбы, ткающая гобелен. Но что, если тебе предложить больше, чем просто власть над одной ведьмой? Что, если я предложу тебе место в Круге?

Зара не взяла фигурку. Её пальцы остались неподвижными на подлокотниках кресла, а серые, змеиные глаза смотрели прямо в лицо Серафине с выражением холодной, расчётливой осведомлённости.

— Ты хочешь собрать Круг Шести ради своего «Шедевра», — произнесла она медленно, растягивая слова, как яд. — Ты думаешь, я не знаю, что ты заключила сделку с Пожирателем за моей спиной?

На мгновение в будуаре стало тихо — так тихо, что слышно было, как оплывает воск на свечах. Серафина замерла. Затем уголки её тёмно-вишнёвых губ медленно поползли вверх.

Она не стала отрицать.

— Каждая из нас играет свою партию, — сказала она, и её голос прозвучал почти нежно. — Ты хочешь вернуть Лиру в ошейник, я — использовать силу её Уз для нового мира. Ты — Серебряная Пряжа, я — Бархатная Паутина. Мы можем работать вместе, а можем мешать друг другу. — Она обошла стол, и её бёдра покачнулись в такт шагам. — Я предпочитаю первое.

Зара поднялась с кресла. Движение было настолько плавным, что казалось, будто она не встаёт, а вырастает из тени. Она подошла к Серафине вплотную — так близко, что их платья

почти соприкоснулись, шёлк к шёлку, чёрное к серебристому. Воздух между ними сгустился, наполнился озоном и жасмином.

Зара наклонилась к самому уху Серафины — та была выше, и Архимагу пришлось чуть приподнять подбородок — и прошептала:

— Я слишком хорошо знаю цену твоих «союзов». Ты предала не одну доверчивую душу. Ты заманивала их в свою паутину, а потом пила досуха. Но я не наивная девчонка, Серафина. Если мы и будем играть в одну игру, то на моих условиях.

Искра пробежала между ними.

Не метафорическая — настоящая. Магия Зары, серебряная и острая, столкнулась с аурой Серафины — тёмной, тягучей, отдающей бархатом и мускусом. Воздух зазвенел. Свечи дрогнули, и пламя на их фитилях затанцевало, как пьяное. Где-то в глубине дома, за занавесями, музыкант сбился с ритма и замолк.

Они почти касались друг друга. Щека к щеке. Дыхание к дыханию.

Серафина не отстранилась. Она повернула голову — медленно, почти лениво — и прошептала в ответ, прямо в бледное ухо Зары:

— Ты боишься не предательства. Ты боишься, что привяжешься ко мне по-настоящему. Так же, как привязалась к Лире. Твоя магия судьбы не властна над тем, что ты чувствуешь. Ты можешь плести нити для других, но твои собственные чувства — это хаос. И тебя это ужасает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.